

Смелая, бросающая вызов книга. «Хранитель пчел из Алеппо» — роман мирового значения, заставляющий нас открыть глаза и увидеть, что происходит.

*Хезер Моррис,
автор бестселлера «Татуировщик из Освенцима»*

КРИСТИ ЛЕФТЕРИ

Хранитель пчел из Алеппо

Кристи Лефтери

Хранитель пчел из Алеппо

Серия «Азбука-бестселлер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287044
Кристи Лефтери Хранитель пчел из Алеппо:
ISBN 978-5-389-17842-7

Аннотация

Чудесный вид на купола и минареты древнего прекрасного города Алеппо открывался из окон дома на холме. В доме жила семья, самая обычная: муж был пчеловодом, жена рисовала картины и воспитывала маленького сына. Жизнь текла размеренно и счастливо, и хотелось верить, что так будет всегда.

Но в Сирию пришла война. Она разрушила не только город, но и хрупкий семейный мирок. Пережитый ужас, долгие скитания и унижения заставили близких людей отдалиться друг от друга, замкнуться в своем горе...

О том, каких усилий стоит снова научиться жить, рассказывает роман Кристи Лефтери. В его основу легли подлинные истории тех, кто оказался в афинском центре беженцев, где автор работала волонтером. По ее словам, это книга о глубочайшей потере, но также о любви и пути к свету.

Впервые на русском!

Содержание

Кристи Лефтери	4
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	56
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Кристи Лефтери

Хранитель пчел из Алеппо

Christy Lefteri

THE BEEKEEPER OF ALEPPO

Copyright © 2019 by Christy Lefteri

All rights reserved

Перевод с английского Юлии Бабчинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Карты выполнены Юлией Каташинской

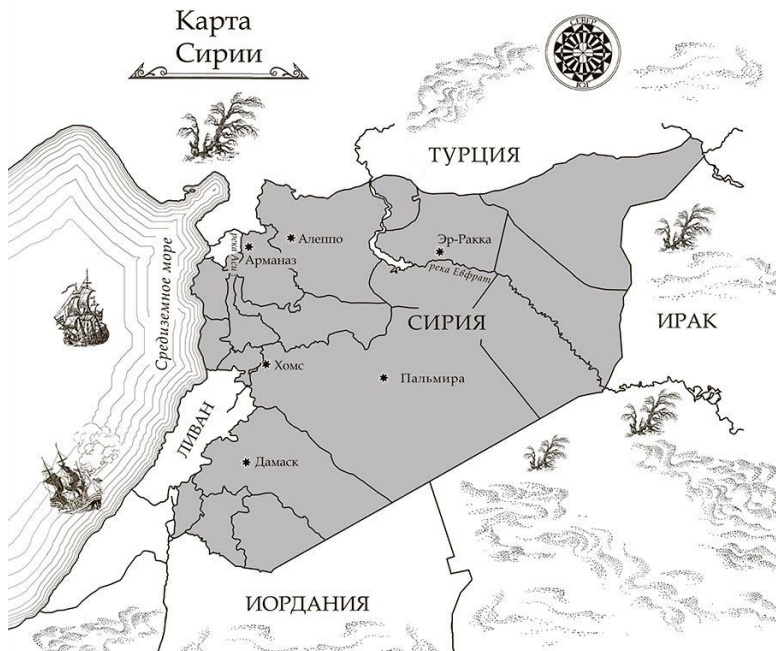

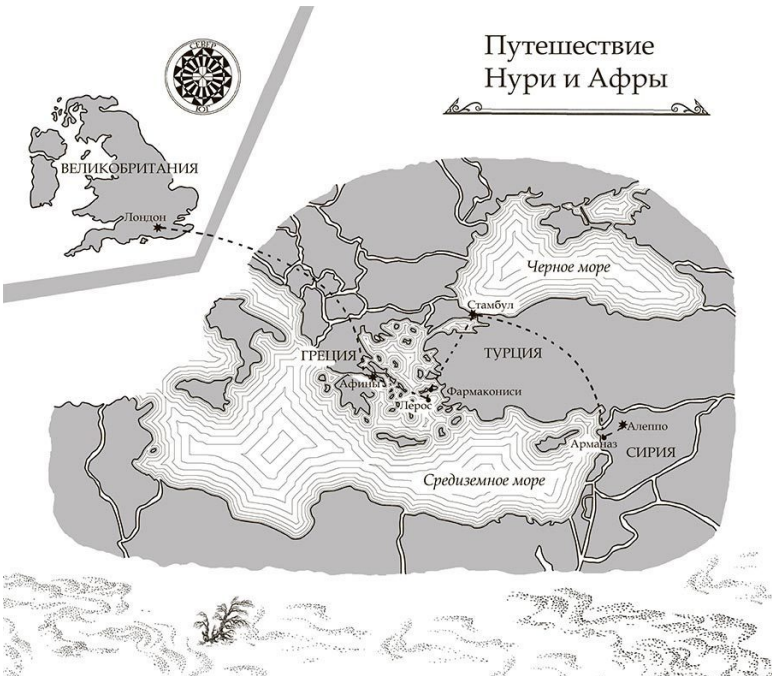
Серия «Азбука-бестселлер»

© Ю. Д. Бабчинская, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-

* * *

*Посвящается папе.
А также С.*

Глава 1

Глаза жены пугают меня. Она не видит внешнего мира, а люди – ее внутреннего. Серьезно, на ее лице будто камни – серые, как морская галька. Посмотрите на нее. Вот она сидит на краю кровати, сбросив ночную сорочку на пол, перекатывает между пальцами стеклянный шарик Мухаммеда и ждет, когда я помогу ей одеться. Неторопливо облачаюсь в рубашку и брюки, потому что устал от этой обязанности – одевать жену. На животе у нее складки – цвета дикого меда, темнее в ложбинках. Грудь покрывают тонкие-тонкие серебристые линии, а на подушечках пальцев заметны крохотные надсечки – прежде в этих рельефах оседала синяя, желтая, алая краска. Когда-то моя жена смеялась так, будто золото переливалось, и этот смех я не только слышал, но и словно видел. Взгляните сами – мне кажется, она исчезает.

– Ночью мне снилась какая-то кутерьма, – сказала она. – Сны заполонили всю комнату.

Взгляд жены застывает, она смотрит в какую-то точку слева от меня.

– Что это еще значит? – спрашиваю я, и к горлу подкатывает ком.

– Они рассыпались. Мои сны были повсюду. Я не понимала, сплю я или нет. Так много образов, что они наводнили комнату не хуже пчел, в комнате будто роились пчелы.

Не вздохнуть. Я проснулась и стала молиться: прошу, не дай мне голодать.

Нахмурившись, я посмотрел на жену. Ее лицо было лишено эмоций. Я не стал говорить ей о своем сне, всегда одном и том же, – сне об убийстве. Там только мы с тем мужчиной. В моей руке бита, из ладони сочится кровь. Он лежит на земле под нависшими кронами деревьев. Губы его шевелятся, но я ничего не слышу.

– И еще мне больно, – говорит она.

– Где?

– Резь в глазах. Острая боль.

Встаю перед женой на колени и смотрю ей в глаза. Я боюсь той пустоты, что встречаю там. Достая из кармана телефон и включаю фонарик. Зрачки расширяются, когда я направляю свет ей в глаза.

– Хотя что-нибудь видишь? – спрашиваю я.

– Нет.

– Тень, а может, изменение оттенка или цвета?

– Только темноту.

Кладу телефон в карман и отступаю на шаг.

С тех пор как мы приехали сюда, жене стало хуже. Кажется, что понемногу истончается сама ее душа.

– Ты можешь отвезти меня к врачу? – спрашивает она. – Боль просто нестерпимая.

– Конечно, – говорю я. – Уже скоро.

– Когда?

– Как только мы получим документы.

Я рад, что Афра не видит этого места. Хотя ей понравились бы чайки, их энергичный полет. Алеппо не так близок к морю. Да, скорее всего, она бы не отказалась увидеть птиц и побережье, поскольку выросла у воды. Я же сам из восточной части Алеппо, где город встречается с пустыней.

Переехав ко мне после свадьбы, Афра тосковала по морю. Она рисовала воду, где бы ни увидела ее. Среди засушливого плато, на котором в основном расположена Сирия, попадаются оазисы, ручейки и речки, впадающие в болота или озерца. До рождения нашего сына Сами мы повсюду искали воду, чтобы Афра могла запечатлеть ее масляными красками. Я бы хотел вновь увидеть одну из картин жены – пейзаж с рекой Кувейк. Она изображена так, словно в городском парке вышла из строя ливневая канализация. Афра умела проникнуть в суть пейзажа. Вид убогой речушки напоминает о стремлении выжить. Километров через тридцать к югу от Алеппо река прекращает всякую борьбу с суровой сирийской степью и постепенно переходит в топи.

Глаза жены пугают меня. Но не знаю, как бы она приняла эти сырые стены, провода на потолке и рекламные щиты. Один такой щит за окнами как раз сообщает, что нас слишком много, что остров провалится под нашим весом. Пожалуй, я рад, что Афра ослепла. Знаю, как это звучит. Если бы я мог дать ей ключ от другого мира, то пожелал бы, чтобы к

ней вернулось зрение. Но это должно быть совершенно иное место: где солнце восходит, касаясь лучами стен древнего города, а за ними, как пчелиные соты, простираются кварталы, дома, квартиры, отели, узкие переулки и рынок под открытым небом; где переливаются на свету тысячи камней, а дальше лежит пустыня в россыпях золота и алых покрывалах.

В том мире был бы Сами, бегущий с улыбкой по переулкам в своих грязных кроссовках, зажав в кулаке мелочь, чтобы купить молока. Я стараюсь не думать о Сами. А вот Мухаммед... Я все еще жду, что он найдет письмо и деньги, которые я оставил под банкой «Нутеллы». Возможно, однажды в дверь постучат, я увижу Мухаммеда на пороге и скажу: «Как же ты добрался сюда, дружок? Откуда узнал, где нас искать?»

Вчера в запотевшем зеркале общей душевой я увидел мальчика. Он был в черной футболке. Когда же я обернулся, то на унитазах всего-навсего сидел один из постояльцев, марокканец.

– Тебе следует закрывать дверь, – сказал он на диалекте арабского.

Имени его не помню, но знаю, что этот мужчина родом из деревни рядом с Тазой, у подножия гор Эр-Риф. Прошлым вечером он рассказал, что его могут отправить в центр по высылке из страны, место под названием «Ярлз Вуд», – об этом намекнула представительница соцслужбы. Сегодня моя оче-

редь с ней встречаться. Марокканец говорит, что она очень красивая и похожа на танцовщицу из Парижа, с которой он однажды переспал в отеле Рабата, еще до женитьбы. Когда он спросил меня о жизни в Сирии, я рассказал о своей пасеке в Алеппо.

По вечерам хозяйка гостевого дома угощает нас чаем с молоком. Марокканцу лет восемьдесят, а может, все девяносто. Дряхлый старик, кожа да кости. Обычно он читает книгу «Как быть британцем» и ухмыляется себе под нос. Держит на коленях телефон и после каждой страницы поглядывает на экран, правда никто и никогда ему не звонит. Не знаю, кого он ждет или почему решил на долгую дорогу в столь преклонном возрасте: вид у него такой, будто он находится на пороге смерти. И всегда возмущается тем, что неверные мочатся стоя.

В этом убогом гостевом доме на берегу моря нас человек десять: все приехали из разных мест, все чего-то ждут. Нас могут оставить или отправить восвояси, мы-то уже ничего не решаем: по какой пойти дороге, кому довериться, придется ли вновь взяться за битую и убить человека. Это в прошлом. Скоро и воспоминания испарятся, словно вода.

Достаю из шкафа абайю¹ Афры. Жена слышит шорох и встает, поднимая руки. Она заметно постарела, а ведет себя как ребенок. Волосы Афры по цвету и на ощупь напомина-

¹ Абайя – длинное традиционное арабское женское платье.

ют песок – с тех пор как мы перекрасили их для фотографии на паспорт, осветлив прежнюю арабскую шевелюру. Я закручиваю их в тугий узел и оборачиваю вокруг ее головы хиджаб, закрепляя заколками, а жена, как всегда, направляет мои пальцы.

Работница соцслужбы придет в час дня, встречи с ней проходят в кухне. Она будет спрашивать, как мы попали сюда. Станет искать причину отправить нас обратно. Но если я буду выбирать слова, если смогу убедить ее, что я не убийца, тогда останемся здесь – счастливы, поскольку приехали из самой преисподней. Марокканец не столь везучий, ему придется найти более веские аргументы. Он сидит в гостиной у стеклянных дверей и бережно держит в руках бронзовые карманные часы, словно инкубаторное яйцо. Он смотрит на циферблат и ждет. Вот только чего?

Завидев меня, он говорит:

– Не работают, понимаешь ли. Остановились совсем в ином времени.

Марокканец поднимает эти застывшие часы за цепочку и легонько раскачивает, а я смотрю, как блестит на свету

бронза

накрыла город под нами. Мы жили на холме, в домике с двумя спальнями. С высоты нам открывалось море разномастных крыш с чудесными куполами, минаретами и вид-

невшейся вдалеке цитаделью.

Нам нравилось сидеть весной на веранде: мы вдыхали ароматы пустыни и любовались, как опускалось за горизонт красное солнце. Летом мы прятались в доме: включали вентилятор, наматывали на голову мокрое полотенце и опускали ноги в тазик с холодной водой, поскольку кругом стояло пекло. В июле земля трескалась от засухи, но в нашем саду всегда росли абрикосы, миндальные деревья, тюльпаны, ирисы и рябчики.

Когда пересыхала река, я спускался к пруду, чтобы набрать воды для полива сада. В августе мы словно пытались воскресить мертвое тело: все кругом погибало, сливаясь с пустыней. Стоило появиться небольшой прохладе, и мы выходили на прогулку, наблюдая за парящими в небе ястребами.

В моем саду стояло четыре улья, один поверх другого, остальные же находились в поле на восточной окраине Алеппо. Мне не нравилось оставаться вдалеке от них. Я просыпался ни свет ни заря, еще до призыва муэдзина к молитвам. Ехал тридцать миль до пасеки, добираясь туда с первыми лучами солнца. Поля были залиты мягким светом, на одной чистой ноте гудели пчелы.

Они казались мне идеальным сообществом, крошечным раем среди хаоса. Рабочие насекомые улетали подальше в поисках пищи. Они собирали нектар с цветков лимона и клевера, семян чернушки и аниса, эвкалипта, хлопка, тернов-

ника и вереска. Я заботился о пчелах, подкармливал их, следил, нет ли болезней или паразитов. Иногда строил новые ульи, делил колонии и выращивал королев – брал личинок из чужой колонии и смотрел, как пчелы-кормилицы давали им маточное молочко.

Позже, в сезон сбора урожая, я проверял, сколько меда произведено в ульях, ставил соты в медогонку и наполнял бочонки, соскребая с низа рамок остатки золотистого нектара. Я защищал пчел, следил за тем, чтобы они были сильными, здоровыми и способными справиться со своей работой – производить мед и опылять поля, обеспечивая нам жизнь.

С пчеловодством меня познакомил мой кузен Мустафа. Его отец и дед занимались пчелами в зеленых долинах к западу от хребта Антиливанских гор. Мустафа соединял в себе ум гения и сердце мальчишки. Он много учился и стал преподавать в университете Дамаска, исследуя состав меда. Поскольку он находился в разъездах между Дамаском и Алеппо, то попросил меня заниматься пасеками. От него я многое узнал о пчелах, их поведении и способах манипуляции ими. Из-за жары они становились агрессивными, но Мустафа научился понимать их. Когда на летние месяцы университет закрывался, кузен приезжал в Алеппо. Мы усердно работали и в итоге стали мыслить как пчелы и даже ели как пчелы! В сильный зной нам помогала пыльца, смешанная с медом.

В самом начале нашей совместной работы – тогда мне бы-

ло двадцать — мы делали ульи из растительных материалов, смешивая их с глиной. Позже заменили пробку и керамику на деревянные ящики. Вскоре у нас уже насчитывалось свыше пятисот колоний! Наши пчелы давали как минимум десять тонн меда в год. Их было множество, и благодаря им я чувствовал себя живым. Вдали от них мне казалось, будто закончился огромный праздник. Годы спустя Мустафа открыл магазин в новой части города. Кроме меда, он продавал и косметику на его основе, ароматные кремы и мыло, средства для волос — и все от наших пчел. Бизнес он открыл для своей дочери. Уже в детстве она мечтала изучать сельское хозяйство, желая пойти по стопам отца. Мустафа назвал это место «Рай Айи» и пообещал передать дело ей, если она будет хорошо учиться. Девочке нравилось бывать там, вдыхать сладкие запахи, втирать в ладони крем. Для своего возраста Айя была довольно смышленной. Как-то раз она сказала: «В мире пахло бы как в нашем магазине, не будь в нем людей».

Мустафа не искал спокойной жизни. Он всегда стремился учиться новому, создавать большее. Еще ни в ком я не видел подобного качества. Наше совместное дело росло, появились крупные клиенты из Европы, Азии, с Залива, но именно я присматривал за пчелами, Мустафа доверил все мне. По его словам, я обладал несвойственной мужчинам чуткостью, понимал ритмы жизнедеятельности и образ поведения пчел. Кузен оказался прав. Я научился слушать их, говорил с ними, как с единым организмом, словно у них одно на всех

сердце, ведь пчелы работают вместе. Даже убивая в конце лета трутней, чтобы сохранить запасы еды, рабочие насекомые все равно действуют слаженно. Танцуя, они общаются друг с другом. Не за один год пришло ко мне понимание, но, когда я осознал все это, мир уже не выглядел прежним.

Летели годы, пустыня неспешно разрасталась, климат становился более засушливым, исчезали реки, фермерам приходилось несладко. Только пчелы стойко переносили жару.

– Посмотри на этих маленьких воинов, – говорила Афра, когда приезжала на пасеки с Сами, крохотным кульком в ее руках. – Посмотри, как они трудятся, даже когда все кругом погибает.

Афра всегда молилась о дожде, потому что боялась песчаных бурь и засухи. В такие дни мы видели с веранды, как небо над городом становилось лиловым, слышали, как свистел воздух. Афра бегала по дому, закрывала двери, окна и ставни.

По субботам мы ездили к Мустафе на ужин. Они с женой готовили вместе: кузен скрупулезно взвешивал каждый ингредиент или специю, словно бы одна крошечная ошибка могла испортить все блюдо. Дахаб была высокой женщиной, примерно одного роста с мужем. Она стояла рядом с ним и качала головой, как если бы перед ней был Фирас или Айя.

– Поторопись, – говорила она. – Такими темпами мы будем ужинать в следующую субботу.

Во время стряпни Мустафа напевал мелодии и каждые двадцать минут выходил во двор на перекур – стоял под цветущим деревом и пожевывал сигарету.

Я присоединялся к нему. В такие минуты он был молчалив, его глаза блестели от кухонной духоты, а мысли блуждали где-то далеко. Мустафа задолго до меня стал подозревать худшее, и я замечал на его лице новые морщины.

Они жили на нижнем этаже многоквартирного дома, а двор был с трех сторон огорожен стенами соседних зданий, благодаря чему сохранялась тень и прохлада. С верхних балконов доносились звуки: обрывки разговоров, музыка, приглушенный шепот телевизоров. Во дворе рос виноградник с гроздьями ягод; одну стену закрывала шпалера, увитая жасмином, а на другой висела полка с пустыми банками и кусками медовых сот.

Большую часть двора занимал металлический стол, стоящий под лимонным деревом, по углам висели кормушки для птиц, а на квадратном участке почвы Мустафа выращивал травы. Многие зачахли от нехватки солнца. Я смотрел, как кузен растирает между пальцами цветок лимона и вдыхает аромат.

Во время таких тихих субботних вечеров он много размышлял, его мысли не могли обрести покоя.

– Ты когда-нибудь представлял себе другую жизнь? – спросил он однажды.

– О чем ты?

– Иногда мне страшно думать, как могла повернуться моя жизнь. Что, если бы я сидел в офисе? А ты бы послушал отца и работал в магазине тканей? Нам стоит за многое быть благодарными.

Я ничего не ответил. Моя-то жизнь могла повернуться как угодно, но Мустафа ни за что не попал бы в офис. Его мрачные мысли были навеяны чем-то другим, он боялся потерять все, словно на ухо ему нашептывало предсказания само будущее.

К негодованию Мустафы, его сын Фирас сидел за компьютером, не желая помогать с приготовлением пищи.

– Фирас! – звал Мустафа, возвращаясь в кухню. – Вставай, пока не прилип!

Но тот и не думал уходить из гостиной, сидя на плетеном стуле в своей футболке и шортах. Этот долговязый и лохматый двенадцатилетний парнишка с удлинённым лицом улыбался в ответ отцу так, как скалится борзая салюки, которую можно увидеть в пустыне.

Айя, всего на год старше брата, брала за руку Сами и помогала накрыть на стол. Тогда ему исполнилось три, и он вышагивал, как маленький человечек с важной миссией. Она давала ему пустую тарелку или чашку, чтобы он чувствовал причастность. У племянницы были длинные золотистые волосы, как у матери, и, когда Айя наклонялась, Сами тянул ее за кудряшки и смеялся, видя, какие они упругие – точно пружинки. И вот мы уже все помогали, даже Фирас, которого

за худую руку стаскивал со стула Мустафа. Мы выносили во двор дымящиеся блюда, разноцветные салаты, соусы и хлеб. Иногда готовили суп с красной чечевицей и сладким картофелем, приправляя кумином, или же говядину с кабачками, фаршированные артишоки, рагу с зеленой фасолью, салат с булгуром и петрушкой или шпинат с кедровыми орешками и гранатом. Затем была пахлава в медовом сиропе и сладкие пончики аль-лугаймат или консервированные абрикосы, приготовленные Афрой. Фирас болтал по телефону, а Мустафа выхватывал трубку из его рук и прятал в пустой банке, но никогда по-настоящему не злился на сына – даже в споре между ними сквозила ирония.

– Когда я смогу забрать телефон? – спрашивал Фирас.

– Когда снег в пустыне выпадет.

На столе появлялся кофе, и Фирас забирал телефон.

– В следующий раз я положу его вовсе не в пустую банку! – угрожал Мустафа.

Во время кухонных хлопот и застолья Мустафа всегда был счастлив. Позже, когда садилось солнце, нас окружал аромат ночного жасмина, воздух становился густым и неподвижным. Кузен опускал голову в раздумьях, и я понимал, что тишина и темнота приносили с собой эхо будущего.

– Что такое, Мустафа? – сказал я однажды вечером, когда Дахаб и Афра загружали после ужина посудомойку. Веселый смех Дахаб улетал мимо окон в ночное небо. – В последнее время ты сам не свой.

– Политическая ситуация совсем плоха, – сказал он.

Я знал, что Мустафа прав, хотя никто из нас не хотел об этом говорить. Кузен затушил сигарету и тыльной стороной ладони потер глаза:

– Скоро станет и того хуже. Мы ведь знаем это, да? Но пытаемся жить как прежде.

Мустафа затолкал в рот пончик, словно подчеркивая свои слова. Стоял конец июня, а в марте уже началась гражданская война и протесты в Дамаске, принесшие в Сирию волнения и жестокость. Должно быть, я опустил взгляд, и Мустафа заметил на моем лице тревогу. Когда я снова поднял глаза, он улыбался:

– Вот что, давай-ка создадим для Айи новые рецепты? У меня есть несколько идей. Как тебе эвкалиптовый мед с лавандой?

Его глаза засверкали, когда он принялся обдумывать новый вид мыла. Он позвал Айю с ноутбуком, чтобы вместе разработать точный состав. В то время ей было всего четырнадцать, но Мустафа решил ее всему научить. Айе нравилось играть с Сами – тот просто обожал ее! Он бегал за ней хвостиком и постоянно выискивал ее своими большими серыми глазами. Того же цвета, что у его матери. Как камень. Такие бывают у младенцев, до того как измениться и стать карими. Однако его глаза не изменились, но и не поглубели. Сами повсюду ходил за Айей, тянул за юбку, тогда она брала его на руки и показывала птиц у кормушек, насекомых

и ящериц, которые ползали по стенам и бетонному дворику.

В каждом новом рецепте Мустафа и Айя внимательно подбирали пигменты и кислоты, минералы каждого вида меда, чтобы создать «идеальную комбинацию», как говорил кузен. Они смотрели на густоту меда, его зернистость, способность поглощать влагу из воздуха, может ли он испортиться. Я, конечно, вносил свои предложения, которые принимались с радушными улыбками, но именно мозг Мустафы трудился не хуже пчел. Он помогал делу своими гениальными идеями, а я претворял их в жизнь.

Такими вечерами, среди ароматов абрикоса и ночного жасмина, когда Фирас сидел за компьютером, а рядом с нами Айя держала на руках Сами, жующего ее волосы, когда с кухни долетал смех Афры и Дахаб, – такими вечерами мы все еще были счастливы. Жизнь походила на нормальную, на время мы забывали о тревогах, стараясь не выпускать их наружу, держа под замком в темных переулках сознания, и строили планы на будущее.

После первой волны протестов Дахаб и Айя покинули страну. Мустафа убедил их ехать без него. Когда его страхи подтвердились, он быстро устроил все для жены и дочери, а сам задержался присмотреть за пчелами. Тогда мне казалось, что он чересчур суетится, что, потеряв в детстве мать, теперь слишком опекает своих женщин, но только благодаря этому Дахаб и Айя уехали в первых рядах и не пострадали

от того, что вскоре последовало. У Мустафы жил в Англии друг, профессор социологии, перебравшийся туда несколько лет назад по работе. Он позвонил Мустафе и настоятельно советовал ему приехать в Великобританию, утверждая, что вскоре ситуация еще больше усугубится. Мустафа дал родным денег на дорогу, а сам остался в Сирии с Фирасом.

– Нури, я не могу вот так бросить пчел, – сказал он как-то вечером, поглаживая широкой ладонью бороду, потом потирая лицо, словно старался стереть мрачное выражение. – Пчелы же наша семья.

Еще некоторое время, пока ситуация совсем не ухудшилась, Мустафа и Фирас могли приходить к нам на ужин: мы вместе сидели на веранде и смотрели на лежащий внизу город, слушая грохот бомб вдалеке и следя за поднимающимся столбом дыма. Позже, когда все стало хуже некуда, мы стали обсуждать совместный отъезд. Собирались вокруг моего глобуса, подсвеченного в тени сумерек, и Мустафа водил пальцем по маршруту Дахаб и Аيي. Им было проще покинуть страну. В толстом кожаном портмоне Мустафа хранил имена и номера различных контрабандистов. Мы пролистывали журналы, сверяя финансы, подсчитывая возможную стоимость побега. Предугадать было сложно, ведь проводники через границу меняли расценки, как им вздумается, но мы выработали план, а Мустафа обожал составлять списки и продумывать маршруты. Они давали ему чувство безопасности. В глубине души я понимал, что все это пустые

разговоры: Мустафа не мог оставить пчел.

Однажды вечером в конце лета вандалы разрушили ульи. Подожгли все, а когда мы добрались до пасеки, ничего не осталось. Мертвые насекомые, обугленное поле. Мне не забыть той нескончаемой гнетущей тишины. Тучи пчел, летавших над полем, исчезли. Над нами раскинулось безмолвное небо, наполненное светом. Я стоял и смотрел на разгромленные пчелиные домики в лучах солнца, ощущая пустоту, тихое небытие, проникающее в легкие с каждым вздохом. Мустафа опустился на землю посреди поля, скрестив ноги, и закрыл глаза. Я прошелся по кругу в поисках живых пчел, давя тех ногой, ведь у них не осталось ни улья, ни колонии. Большинство жилищ полностью рассыпались, другие стояли как скелеты, я все еще мог сосчитать их: двенадцать, двадцать один, сто двадцать один... Колонии трех поколений пчел. Я лично делил ульи. Теперь их не стало. Я вернулся домой и уложил в постель Сами, посидел рядом, пока он не уснул, потом вышел на веранду, устремив взгляд в темнеющее небо и на мрачный город под нами.

У подножия холма текла река Кувейк. В прошлый раз, когда я видел ее, там плавал мусор. Зимой оттуда выловили тела мужчин и мальчиков. Их руки были связаны, головы прострелены. В тот зимний день в Бустан-аль-Касре, южной провинции Алеппо, я лично наблюдал, как достают их тела. Я шел следом вплоть до старой школы, во дворе которой уложили трупы. В окнах здания стояла темнота, в ведре с пес-

ком горели свечи. К двери прислонилась женщина средних лет, принеся ведро с водой. Она сказала, что пришла омыть лица мертвых, чтобы любимые смогли их узнать. Будь я одним из тех мужчин, Афра взобралась бы на гору, чтобы найти меня. Или нырнула на дно той реки. Но все это до того, как она лишилась зрения.

До войны Афра была другой. Вокруг нее всегда царил хаос. Если она стряпала в кухне, мука находилась на всех поверхностях, даже на Сами. Когда она рисовала, то учиняла ужасный беспорядок. Если Сами тоже рисовал, было и того хуже – казалось, краска разбрызгана повсюду. Афра и говорила всегда взхлеб: слова слетали с ее губ, следом за ними другие. Иногда она перебивала саму себя. Смеялась она так громко, что дрожал весь дом.

Но когда Афра грустила, весь мой мир погружался во тьму. Я ничего не мог поделать. Она была сильнее. Рыдала, как ребенок, смеялась так, словно звенели колокола, а прекраснее ее улыбки я ничего на свете не видел. Она могла спорить часами. Афра любила, ненавидела, дышала этим миром так, словно он – прекрасная роза. За все это я любил ее больше жизни.

Она создавала удивительные картины. Получала за них награды, изображая городские и сельские виды Сирии. Воскресным утром мы шли на рынок и устанавливали палатку напротив Хамида, продавца специй и чая. Она находилась в крытой части базара. Там было темновато и затхло, но да-

же туда долетали ароматы кардамона, корицы, аниса и миллиона других специй. В тусклом свете пейзажи Африки тоже не были статичными. Казалось, и небо, и вода были в непрерывном движении.

Видели бы вы, как Афра держалась с клиентами, подходившими к палатке, бизнесменами и женщинами, в основном из Европы или Азии. В такие моменты она оставалась неподвижной, посадив на колени Сами и сосредоточив взгляд на покупателях. Те подходили к картине, приближали к ней свои очки, отступали на шаг или два, а иногда даже сталкивались с покупателями Хамида. Затем надолго застыли. Часто покупатели спрашивали: «Вы Афра?» Она отвечала: «Да, я Афра». Этого было достаточно, чтобы продать картину.

Афра вмещала в себя целый мир, что и замечали покупатели. Переводя взгляд с картин на нее, они понимали, из какого теста она слеплена. У Африки была широкая душа, словно поле, пустыня, небо, море или реки, которые она рисовала, и столь же загадочная. Я постоянно открывал в ней новые стороны, но мне всегда хотелось большего. В Сирии есть такая поговорка: «Внутри знакомого тебе человека сидит незнакомец». Я влюбился в Афру с первого взгляда, на свадьбе старшего сына моего кузена Ибрагима, в отеле «Дама Роза» в Дамаске. На ней было желтое платье и шелковый хиджаб. А ее глаза – не такие синие, как море или небо, а пепельно-голубые, как река Кувейк, с коричневыми и зелеными оттенками.

В нашу брачную ночь, два года спустя, Афра с нетерпением ждала, когда я сниму с нее хиджаб. Я по одной убрал заколки, сбросил с головы ткань и впервые увидел ее длинные черные волосы, темные, как небо над пустыней в беззвездную ночь.

Но больше всего я полюбил Афру за ее смех. Она смеялась так, словно будет жить вечно.

Когда погибли пчелы, Мустафа решил покинуть Алеппо. Мы собрались уезжать, но тут пропал Фирас, и мы стали его ждать. В то время Мустафа почти не разговаривал, его воображение рисовало картины одну страшнее другой. Иногда он высказывал догадки о том, где может быть Фирас: «Нури, может, он пошел искать своего друга?» – или: «Вдруг ему тяжело уезжать из Алеппо – он где-то прячется, чтобы мы остались» – а как-то раз: «Нури, может, он умер? Может, мой сын умер...»

Мы упаковали вещи и приготовились к отъезду, но проходили дни и ночи, а мы ничего не знали о местонахождении Фираса. Мустафа стал работать в морге, размещенном в заброшенном здании. Там он отмечал подробности смерти и ее причины – от пуль, шрапнели, взрывной волны. Было странно видеть его вдаль от солнца. Он работал сутками, записывая огрызком карандаша все детали об умерших в своей «черной» книге. Когда он находил удостоверения личности, задача упрощалась, в противном случае записывал отличи-

тельные черты, такие как цвет волос или глаз, форму носа или родинку на левой щеке. Мустафа только тем и занимался до того зимнего дня, когда я принес с реки его сына. Да, я узнал одного подростка, лежавшего мертвым на столе во дворе школы, и попросил двух мужчин с машиной перевезти тело в морг. Увидев Фираса, Мустафа попросил нас положить его на стол, закрыл сыну глаза и долго стоял в неподвижности, держа его за руку. Я остановился в дверном проеме. Другие мужчины ушли, зарычал мотор, и машина отъехала от здания. Наступила всепоглощающая тишина. Луч света из окна выловил лежавшего на столе мальчика и Мустафу, державшего его за руку. На мгновение все затихло: ни бомб, ни пения птиц, ни дыхания.

Спустя некоторое время Мустафа отошел от стола, надел очки и осторожно заточил ножом карандаш, затем сел за стол и открыл «черную» книгу. Там он написал:

Имя – мой чудесный мальчик.

Причина смерти – этот гиблый мир.

Больше Мустафа не записывал имен умерших.

Ровно через неделю погиб Сами.

Глава 2

Работница социальной службы сообщает, что пришла нам помочь. Ее зовут Люси Фишер. Она удивлена, что я так хорошо говорю по-английски. Я рассказываю ей о своей работе в Сирии, о пчелах и колониях, но на самом деле она не слышит меня. Женщина занята бумагами, лежащими перед ней.

Афра даже не поворачивает головы. Человеку, не знающему о ее слепоте, показалось бы, что она просто смотрит в окно. Выглянуло солнце, свет падает ей на глаза, делая их похожими на воду. Афра положила на стол сцепленные в замок руки и поджала губы. Она немного знает английский, достаточно, чтобы выжить здесь, но ни с кем, кроме меня, не общается. За все время она заговорила лишь с Анжеликой. Женщиной, из чьей груди сочилось молоко. Смогла ли Анжелика выбраться из леса?

– Что вы думаете о вашем жилье, мистер и миссис Ибрагим?

Люси Фишер с огромными голубыми глазами, спрятанными за очками в серебристой оправе, сверяется с бумагами, словно ищет там ответ на свой вопрос. Я пытаюсь увидеть в ней то, о чем говорил марокканец.

Вдруг она смотрит на меня тепло.

– Здесь очень чисто и безопасно, – говорю я, – в сравнении с другими местами.

Я ничего не говорю ей про эти другие места и определенно умалчиваю о мышах и тараканах в нашей комнате. Боюсь показаться неблагодарным.

Люси Фишер не задает много вопросов, но объясняет, что скоро нам предстоит встреча с сотрудником иммиграционной службы. Она поправляет на носу очки и мягко, но очень внятно заверяет меня, что, как только мы получим документы, подтверждающие наше заявление о предоставлении убежища, Афра сможет обратиться к врачу насчет боли в глазах. Люси Фишер смотрит на мою жену, точно так же сомкнув на столе руки. Это кажется мне странным. Затем она протягивает стопку бумаг. Пакет документов из Министерства внутренних дел с информацией, как подать заявление, о наших правах на получение убежища, о проверке политической благонадежности, деталях проведения собеседования. Я бегло просматриваю листы, а Люси Фишер терпеливо ждет.

«Вы имеете право остаться в Великобритании в качестве беженца при условии, что не можете жить в безопасности в любом регионе вашей страны, поскольку опасаетесь гонений».

– В любом регионе? – спрашиваю я. – Вы отправите нас в другой регион?

Люси Фишер хмурится, распрямляя прядь волос. Рот ее вытягивается в линию, будто она съела нечто противное.

– Вам следует упорядочить вашу историю, – говорит она. –

Подумайте, что лучше сказать сотруднику иммиграционной службы. Убедитесь, что говорите связно и как можно более прямолинейно.

– Вы можете отослать нас обратно в Турцию или Грецию? Что в вашем понимании значит «гонения»? – говорю я громче, чем намеревался.

Моя рука вздрагивает. Потираю на запястье толстую красную полосу стянутой кожи, вспоминая острое лезвие. Лицо Люси Фишер расплывается перед глазами. Руки трясутся. Я расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки, пытаюсь унять дрожь.

– Здесь жарко? – говорю я.

Она что-то отвечает, но я не слышу, вижу лишь, как шевелятся губы. Люси Фишер встает, на стуле нервно ерзает Аффра. Из крана льется вода. Шумит, словно поток реки. Вижу металлический блеск, как от ножа. Люси Фишер закрывает кран и идет ко мне, вкладывая в мою ладонь стакан, затем подносит его к моим губам, будто я ребенок. Выпиваю всю воду. Люси Фишер садится. Вижу ее отчетливо, она напугана. Аффра кладет руку мне на колено.

Трещат небеса, и льется дождь. Сплошным потоком. Даже хуже, чем на острове Лерос, с его пропитанной дождем и морем земель. Люси Фишер что-то сказала, но ее голос скрыт за завесой воды. Она произносит: «Враг» – и хмуро смотрит на меня, на белом лице проступает румянец.

– Простите? – говорю я.

– Я сказала: мы здесь, чтобы помочь вам.

– Я услышал слово «враг».

Люси Фишер распрямляет плечи и поджигает губы, потом смотрит на Афру. Заметив на лице женщины вспышку гнева, я понимаю, о чем говорил марокканец. Однако злится она не на меня, даже не видит меня толком.

– Я всего лишь сказала, что я вам не враг.

В голосе женщины звучат виноватые нотки. Ей не следовало говорить этого, просто сорвалось с языка – я вижу, как она нервно теребит прядь. Ее слова висят в воздухе, даже когда она собирает вещи или говорит с женой, которая в ответ лишь кивает.

– Надеюсь, вы в порядке, мистер Ибрагим, – произносит перед выходом Люси Фишер.

Хотел бы я знать, кто же мой враг.

Позже я выхожу в забетонированный дворик и сажусь на стул под деревом. Вспоминаю гудение пчел, дарующее умиротворение, чуть ли не слышу аромат меда, цветков лимонного дерева и аниса, но их затмевает густой запах пепла.

Раздается жужжание. Не коллективное, как от тысяч пчел на пасеке, а одиночный звук. На земле у моей ноги лежит одна. Присмотревшись, понимаю, что у нее нет крыльев. Я протягиваю руку, позволяя ей заползти на палец, оттуда на ладонь. Она пухлая и мохнатая, с мягким тельцем, покрытым широкими желто-черными полосами, и с длинным жа-

лом. Теперь она ползет по моему запястью. Я уношу ее с собой и сажусь в кресло, наблюдая, как насекомое устраивается на моей ладони и готовится ко сну. Хозяйка приносит в гостиную чай с молоком. Сегодня довольнолюдно. Женщины легли спать, только одна осталась здесь и что-то шепчет на фарси сидящему рядом мужчине. Хиджаб слегка прикрывает ее голову, – похоже, эта женщина из Афганистана.

Марокканец пьет чай большими глотками и причмокивает, будто ничего вкуснее в жизни не пробовал. Время от времени он проверяет телефон, затем закрывает книгу и похлопывает по ней, как по голове ребенка.

– Что это у тебя в ладони? – спрашивает он.

Я вытягиваю руку, показывая пчелу.

– У нее нет крыльев, – говорю я. – Подозреваю, что это вирус деформации крыльев.

– Знаешь что, – произносит он, – в Марокко проходит медовая дорога. Люди приезжают со всего света, чтобы попробовать наш мед. В Агадире есть водопады, горы и множество цветов – это привлекает людей и пчел. Интересно, что за пчелы здесь, в Великобритании. – Он приближает лицо к насекомому, рассматривая, затем поднимает руку, словно собирается его пощекотать, как крошечную собачку, но останавливается. – Ужалит?

– Может.

Марокканец опускает руку на колени:

– Что будешь с ней делать?

– Я мало что могу. Отнесу обратно на улицу. Она долго не проживет: из-за отсутствия крыльев ее выгнали из колонии.

Марокканец выглядывает сквозь стеклянные двери во двор. Тот представляет собой небольшой квадрат, вымощенный плиткой, а по центру растет одинокая вишня.

Встаю и прислоняюсь лбом к стеклу. Сейчас девять часов вечера, солнце понемногу спускается за горизонт. На фоне пылающего неба чернеет высокий силуэт дерева.

– Пока еще безоблачно, – говорю я, – но через три минуты пойдет дождь. Пчелы в дождь не вылетают. Никогда не станут этого делать, а здесь почти все время льет.

– А вдруг английские пчелы другие, – говорит марокканец.

Я поворачиваюсь к нему, и он снова улыбается. Наверное, потешается надо мной. Мне это не нравится.

Внизу находится ванная комната, один из мужчин пошел в туалет. Когда он нажимает на смыв – кажется, что шумит водопад.

– Чертов иностранец, – говорит марокканец и поднимается, чтобы пойти в спальню. – Ну кто мочится стоя! Надо садиться!

Я выхожу во двор и кладу пчелу на вереск у забора.

В углу комнаты стоит компьютер с выходом в Интернет. Сажусь за стол, чтобы проверить письма от Мустафы. Он уехал из Сирии незадолго до меня, и почти всю поездку мы переписываемся по электронной почте. Он ждет меня на се-

вере Англии, в Йоркшире. Именно его слова помогли мне сдвинуться с мертвой точки. «Где пчелы, там и цветы, а где цветы – там новая жизнь и надежда». Я приехал сюда только ради Мустафы. Благодаря ему мы с Афрой не останавливались, пока не добрались до Великобритании. А теперь я могу лишь пялиться на свое отражение в экране. Не хочу, чтобы Мустафа узнал, в кого я превратился. Мы наконец в одной стране, но, если встретимся, он увидит перед собой сломленного мужчину. Вряд ли Мустафа узнает меня. Я отворачиваюсь от экрана.

Жду, пока комната не опустеет, пока не уйдут все постельцы с их иностранными языками и обычаями и не останется лишь шум машин вдалеке. Представляю себе улей, где роятся желтые пчелки: они вылетают, поднимаясь в небо, и устремляются на поиски цветов. Воображаю простирающиеся под ними землю, дороги, фонари, море.

Внезапно в саду загорается сенсорный фонарь. С того места, где я сижу – в кресле лицом к двери, – замечаю тень. Нечто маленькое и темное быстро пересекает дворик. Похоже на лису. Встаю, чтобы посмотреть, но лампочка гаснет. Прислоняюсь лбом к стеклу. Теперь я могу различить, что это существо больше лисы и оно на двух ногах. При движении свет вновь включается. Спиной ко мне стоит мальчик. Он смотрит сквозь дыру в заборе на соседний двор. Я барабаню по стеклу, но ребенок не реагирует. Нашупываю ключ на гвозде за занавеской и открываю дверь. Когда я прибли-

жаюсь к нему, он поворачивается, будто бы ждал меня, и смотрит своими черными глазищами, жаждущими ответов на все вопросы.

– Мухаммед, – тихо говорю я, стараясь не вспугнуть мальчика.

– Дядя Нури, видите тот сад? Там столько зелени!

Он отходит в сторону. Я заглядываю в дыру. Темно, и я не вижу ничего зеленого, только мягкую тень от кустов и деревьев.

– Как ты меня нашел? – спрашиваю я, но он не отвечает. Стоит быть осторожнее. – Хочешь войти?

Мухаммед садится на бетон, скрестив ноги, и снова смотрит в дыру. Я сажусь рядом.

– Здесь есть пляж, – говорит он.

– Я знаю.

– Не люблю море.

– Знаю. Я помню это.

Он что-то держит в руке. Белое, с ароматом лимона, хотя тут не растут лимоны.

– Что у тебя там? – спрашиваю я.

– Цветок.

– Где ты его взял?

Я открываю ладонь, и Мухаммед кладет туда цветок. Он говорит, что сорвал его с лимонного дерева в

Алеппо

был в руинах. Афра не хотела уезжать. Все остальные уже уехали. Даже Мустафа теперь жаждал поскорее сбежать оттуда. Но не Афра. Дом кузена находился на дороге, ведущей к реке, и я спускался с холма, чтобы навестить его. Идти было недолго, но повсюду сидели снайперы, поэтому следовало проявлять осторожность. Как всегда, пели птицы. Их трели неизменны. Мустафа сказал мне это еще много лет назад. Когда стихали бомбы, все равно звучали их голоса. Они устраивались на голых ветвях деревьев, на ящиках, проводах, разрушенных стенах и пели. Взлетали высоко в нетроутое небо и выводили свои рулады.

Приблизившись к дому Мустафы, я издалека услышал тихую мелодию. Кузен всегда сидел на кровати в полуразрушенной бомбой комнате, на старом проигрывателе крутилась пластинка. Он посасывал сигарету, и дым собирался над ним облачками, а рядом мурлыкала кошка. Но в этот день я не застал Мустафу дома. Животное спало, свернувшись в клубок на том месте, где обычно сидел он. На прикроватной тумбочке была фотография, которую мы сделали в год открытия нашего бизнеса: мы оба щурились от солнца, стоя на фоне пасеки, Мустафа на фут выше меня. Нас окружали пчелы: пусть на снимке это и не запечатлелось, но я знал. Под фотографией лежало письмо.

Дорогой Нури,

порой мне кажется, что если я буду идти вперед, то найду свет, но, даже перейдя на ту сторону мира, я обрету лишь темноту. Она не похожа на ночную темень со светом звезд и луны. Эта темнота внутри меня, она не имеет ничего общего с внешним миром.

Образ моего сына, лежащего на том столе, никогда не померкнет. Я вижу его каждый раз, когда закрываю глаза.

Спасибо, что каждый день приходил со мной в сад. Жаль, что не нашлось цветов для его могилы. Иногда в моих мыслях он сидит за столом и поедает лахму². Другой рукой ковыряет в носу, потом вытирает о шорты. Я говорю, чтобы он прекратил повторять за отцом, а он со смехом отвечает: «Но ты же мой отец!» Этот смех. Я слышу его. Он летит над землей и исчезает вдалеке вместе с птицами. Думаю, это его душа. Теперь она свободна. О Аллах, позволь мне прожить, сколько мне отмерено, а когда придет смерть, заberi меня к себе.

Вчера я ходил на прогулку к реке и видел, как четверо солдат выстроили в ряд группу мальчишек.

Они завязали им глаза и расстреляли, одного за другим, а потом сбросили тела в реку. Я стоял и смотрел, представляя среди них Фираса, слышал, как колотится от страха его сердце, ведь он знает, что умрет, но не видит, что происходит. Только слышит

² *Лакма* – молочный хлеб, популярный в Сирии.

выстрелы. Надеюсь, он стоял в ряду первым. Никогда не подумал бы, что могу желать подобного. Я закрыл глаза и тоже слушал. Среди выстрелов и ударов тел о землю я услышал, как заплакал паренек. Он звал отца. Другие молчали, слишком напуганные, чтобы издать хоть какой-то звук. Всегда найдется тот, кто смелее. Нужно мужество, чтобы закричать и выпустить то, что у тебя в сердце. Но его заставили замолчать. У меня в руке было ружье. Нашел на прошлой неделе – валялось на улице с тремя патронами. Три выстрела на четверых мужчин. Я подождал, пока убийцы не утратили бдительности, пока не уселись на берегу реки с сигаретами, опустив ноги в воду, в которую сбросили тела.

Я хорошо прицелился. Одному попал в голову, другому в живот, третьему в сердце. Четвертый встал и поднял руки, а когда понял, что у меня не осталось патронов, кинулся за своим ружьем. Я побегал прочь. Он видел мое лицо, так что они найдут меня. Нужно уезжать сегодня же ночью. Я должен добраться до Дахаб и Айи. Зачем я только откладывал отъезд! Но я не хотел уезжать, оставляя тебя в этом аду.

Прости, что не попрощался. Убеди Афру уехать. Ты слишком мягок и чуток. Это замечательно в работе с пчелами, но не сейчас. Я отправляюсь в Англию, чтобы найти жену и дочь. Уезжай отсюда, Нури, это больше не наш дом. Алеппо – словно мертвое тело любимого человека: в нем нет жизни, души, здесь только гниющая

плоть и кровь.

Я помню первый раз, когда ты пришел на отцовскую пасеку в горах. Стоял там в окружении пчел без защитного костюма, прикрывая глаза руками. Тогда ты сказал мне: «Мустафа, вот где я хочу быть», зная, что твой отец вовсе не обрадуется. Вспомни это, Нури. Вспомни свою силу. Забирай Афру – и приезжайте ко мне.

Мустафа

Я сел на кровать и расплакался, как ребенок. С того дня я носил фотографию вместе с письмом в кармане, но Афра не хотела уезжать, и я каждый день выходил на улицу, рыскал по руинам в поисках еды и возвращался с сувениром для жены. Я находил случайные вещи, осколки жизней других людей: детский ботиночек, ошейник для собаки, мобильный телефон, перчатку, ключ. Любопытно найти ключ, когда к нему больше нет дверей. Если подумать, еще нелепее найти ботинок или перчатку, когда нет их обладателей.

Сувениры эти были печальными. Тем не менее я приносил их Афре, клал ей на колени и ждал, что она хоть как-нибудь отреагирует. Тщетно, но я не оставлял попыток. Это помогло мне отвлечься. Я выходил на прогулки каждый день и приносил новые вещицы. Однажды я нашел прекрасный подарок – гранат.

– Что ты сегодня видел? – спросила Афра, когда я остановился на пороге.

Она сидела на раскладушке, где раньше спал Сами, повер-

нувшись к окну. В своем черном хиджабе, с каменным белым лицом и огромными серыми глазами жена походила на кошку. Она не проявляла никаких эмоций. Только по голосу я узнавал о ее чувствах или по тому, как сильно, до крови, Афра впивалась ногтями в кожу.

В комнате пахло свежим хлебом, нормальной жизнью. Я что-то сказал, но замолчал. Афра едва заметно повернулась ко мне.

Я заметил, что она снова испекла хлеб.

– Ты сделала хубз?³ – спросил я.

– Это для Сами, – сказала она, – не для тебя. Так что ты видел?

– Афра...

– Я не тупица и не лишилась рассудка. Мне просто хотелось испечь для него хлеб. Можно? Мой ум острее твоего, не забывай. Что ты сегодня видел?

– Неужели нужно рассказывать каждый раз?

Я посмотрел на Афру. Она сомкнула пальцы в замок.

– Значит, так... дома, – заговорил я, – Афра, они напоминают каркасы. Скелеты. Если бы ты их увидела, то расплакалась бы.

– Ты говорил мне это вчера.

– И бакалейный магазин – теперь там пусто. Но в ящиках еще лежат фрукты, оставленные Аднаном: гранаты, финики, бананы, яблоки. Все уже сгнило, там, на жаре, роятся тысячи

³ Хубз – арабский хлеб.

мух. Но я порылся и нашел один хороший гранат. Принес его тебе.

Я подошел к Афре и положил гранат ей на колени. Она взяла его, ощупывая пальцами кожуру, крутя фрукт в ладонях.

– Спасибо, – сказала она.

На лице Афры не отразилось ни единой эмоции. Я надеялся, что своим подарком сумею достучаться до нее. Раньше она могла часами снимать с гранатов кожуру и разбирать по зернам. Жена разрезала плод пополам, слегка надавливала на сердцевину, затем постукивала деревянной ложкой, а когда стеклянная миска наполнялась доверху, Афра с улыбкой говорила, что теперь у нее тысяча драгоценных камешков. Теперь она не улыбается. Глупо с моей стороны желать этого, эгоистично. Чему ей радоваться? Правильнее пожелать, чтобы закончилась война. Но мне хотелось за что-то держаться. Если бы чудо произошло, ее улыбка была бы сродни воде в пустыне для жаждущего путника.

– Прошу, Расскажи мне, – не сдавалась Афра. – Что ты видел?

– Я уже говорил.

– Нет. Ты говорил, что видел вчера. Сегодня же ты видел, как кто-то умер.

– Разум обманывает тебя. Все из-за темноты.

Я пожалел, что сказал это. Извинился, один раз, два, три, но лицо Афры осталось бесстрастным.

– Я поняла это по тому, как ты дышал, когда вошел, – сказала она.

– И как же я дышал?

– Как собака.

– Я был совершенно спокоен.

– Спокоен, как ураган.

– Хорошо, когда я вышел из бакалейного магазинчика, – сказал я, – то решил пойти в обход. Хотел посмотреть, здесь ли еще Акрам. Я двигался по длинной дороге, ведущей в Дамаск, миновал банк, на повороте, где раньше по понедельникам останавливался тот красный фургон, помнишь?

Афра кивнула, рисуя в мыслях эту картину. Ей требовались все подробности. Я не сразу понял это: жена нуждалась в мельчайших деталях, чтобы увидеть картинку целиком и вообразить, будто смотрит своими глазами. Она снова кивнула, побуждая говорить дальше.

– Значит, так, я оказался за спинами двух вооруженных мужчин и услышал, как они на что-то спорят. Эти двое выбирали мишень, чтобы потренироваться. Когда они назвали ставки, я понял, что они говорят о восьмилетнем мальчике, игравшем в одиночестве на дороге. Даже не знаю, как он там оказался. Почему мать отпустила его...

– Во что он был одет? – спросила Афра. – Тот восьмилетний мальчик. Во что он был одет?

– В красный джемпер и синие шорты. Джинсовые.

– А какого цвета у него были глаза?

- Я не видел его глаз. Наверное, карие.
- Могла ли я знать этого мальчика?
- Возможно, – сказал я. – Я его не узнал.
- И во что он играл?
- У него был игрушечный грузовик.
- Какого цвета?
- Желтого.

Афра словно желала отсрочить неизбежное, цепляясь за живого мальчика как можно дольше и тем самым продляя ему жизнь. Я несколько секунд молчал, позволяя ей посидеть в тишине, прокручивая ситуацию в мыслях. Возможно, она запоминала цвета или движения ребенка, желая сохранить это в памяти.

– Продолжай, – сказала Афра.

– Я слишком поздно понял, в чем дело, – проговорил я. – Один из тех мужчин выстрелил ему в голову. Люди кинулись врассыпную, улица опустела.

– И что сделал ты?

– Я не мог пошевелиться. Ребенок лежал посреди улицы. А я не мог пошевелиться.

– Тебя могли застрелить.

– Выстрел был не точный, мальчик умер не сразу. Его мать была в доме на той же улице, вопя во все горло. Хотела побежать к нему, но мужчины стреляли и выкрикивали: «Ты не сможешь подойти к своему щенку. Ты не сможешь подойти к своему щенку».

Я заплакал, закрыв лицо ладонями. Жаль, что нельзя стереть увиденное из памяти. Хотелось все забыть.

Потом я оказался в объятиях, окутанный ароматом хлеба.

Ночью упала бомба; в небе сверкнуло, и я помог Афре подготовиться ко сну. Она выработала свой маршрут по дому, водя открытыми ладонями по стенам, шаркая ногами. Могла сама испечь хлеб, однако перед сном просила, чтобы я раздел ее. Я свернул одежду и положил на стул возле кровати, как раньше делала она. Снял с Афры хиджаб, волосы упали ей на плечи. Она села на кровать и подождала меня. Той ночью было тихо, больше никаких бомб, и комната наполнилась спокойствием и лунным светом.

В этой спальне осталась огромная воронка от снаряда: отсутствовала дальняя стена и часть потолка, через дыру виднелся сад и небо. Жасмин над навесом попал в луч света, позади чернел силуэт фигового дерева, раскинувшегося низко над деревянными качелями, которые я сделал для Сами. Стояла глубокая тишина, без малейшего отголоска жизни. Здесь царила война. Дома опустели или стали приютами для мертвецов. В тусклом свете сверкали глаза Афры. Мне хотелось обнять жену, поцеловать нежную кожу на ее груди, забыться с ней. Я отвлекся всего на одну минуту. Затем она повернулась ко мне и посмотрела так, словно видела. Точно уловив мои мысли, Афра сказала: «Знаешь, если что-то любишь, у тебя это заберут».

Мы оба легли, издалека донесся запах гари и пепла. Аффра лежала ко мне лицом, но не касалась. Мы не занимались любовью с того дня, как умер Сами. Иногда она позволяла держать ее за руку, водя пальцем по ладони.

– Аффра, нам нужно уехать, – сказал я.

– Я уже говорила. Нет.

– Если мы останемся...

– Если мы останемся, то умрем, – ответила она.

– Вот именно.

– Вот именно.

В ее распахнутых глазах была пустота.

– Ты ждешь, когда в нас попадет бомба. Раз ты так сильно этого хочешь, вряд ли это произойдет.

– Тогда я перестану ждать. Я не оставляю его.

Я собирался сказать: «Но он ушел. Сами больше нет. Его здесь нет. Он покинул этот ад, он уже в другом месте. Оставаясь здесь, мы не станем к нему ближе». Аффра бы ответила: «Я знаю. Не глупая».

Я промолчал. Водил пальцем по ее ладони, а она ждала, что в нас попадет бомба. Ночью я проснулся и потянулся к ней – убедиться, что она все еще здесь, что мы живы. В темноте мне вспомнилось, как в полях, где раньше цвели розы, собаки пожирали человеческие трупы. Вдалеке раздавалось дикое скрежетание металла о металл, словно на смерть тащили некое существо. Я положил руку жене на грудь, чувствуя под ладонью сердцебиение, и снова уснул.

Утром муэдзин звал на молитву, обращаясь к пустым домам. Я вышел на поиски муки и яиц, пока у нас не закончился хлеб. Слой пыли был столь густым, что я еле переставлял ноги – казалось, я иду по снегу. Повсюду валялись обугленные машины, на заброшенных террасах висело грязное белье, низко над дорогами мотались провода. Кругом – разрушенные бомбами магазины, дома без крыш, горы мусора на тротуарах. Повсюду витал едкий запах смерти и жженой резины. Вдалеке взвились в небо клубы дыма. У меня во рту пересохло, руки, сжатые в кулаки, тряслись. На этих разрушенных улицах я словно попадал в западню. Деревни были уничтожены, оттуда тянулись потоки людей, желавших бежать, перепуганные женщины, боявшиеся, что их изнасилуют вооруженные солдаты. Рядом я заметил куст дамасской розы в полном цвету. Закрыв глаза и вдохнул аромат, представляя на миг, что не вижу этого кошмара.

Когда я оторвал взгляд от земли, то понял, что достиг блокпоста. На моем пути стояли двое солдат. У каждого по автомату. Один мужчина носил платок в черно-белую клетку. Второй достал оружие из багажника фургона и прижал к моей груди.

– Бери, – сказал он.

Я пытался скопировать лицо Афры. Не хотел показывать эмоций. Иначе меня бы не пожалели. Мужчина сильнее прижал автомат к моей груди, и я качнулся, падая на гравий.

Он бросил оружие на землю. Я поднял голову и увидел, что солдаты нависли надо мной, а тот, что в платке, направил автомат мне в грудь. Не в силах сохранять спокойствие, я стал молить их о пощаде, ползая в пыли.

– Прошу вас, – сказал я, – я не отказываюсь, правда. Я с гордостью принял бы от вас этот автомат, но моя жена больна, серьезно больна и нуждается в уходе.

В тот момент я не верил, что их это тронет. С чего бы? Каждую минуту гибли дети. С чего им переживать о моей больной жене?

– Я сильный, – сказал я, – и умный. Я буду работать на вас. Мне нужно всего пару дней. Прошу лишь об этом.

Мужчина коснулся плеча напарника в платке. Тот опустил оружие.

– В следующий раз, – сказал первый, – ты либо возьмешь автомат и встанешь рядом с нами, или же сразу найди, кто заберет твой труп.

Я немедленно отправился домой. За спиной я уловил тень – не знаю, преследовали ли меня, или же я все придумал: я представил фигуру в плаще, словно явившуюся из детских кошмаров. Но когда обернулся, никого не было.

Пришел домой. Афра сидела на раскладушке, спиной к стене, лицом к окну, и вертела в руках гранат, ощупывая кожуру. Она услышала, как я вошел в комнату, но не успела ничего сказать: я забежал по дому, запихивая в сумки вещи.

– Что происходит? – Пустой взгляд Афры заскользил по

сторонам.

– Мы уезжаем.

– Нет.

– Если мы останемся, они убьют меня.

Я ушел в кухню, наполнил пластиковые бутылки из-под крана. Упаковал запасной комплект одежды для нас обоих. Потом нашел под кроватью паспорта и сбережения. Афра не знала о них – мы с Мустафой отложили деньги, перед тем как рухнул наш бизнес. Кроме того, у меня оставались средства на личном счету, которые я надеялся получить после побега отсюда. Афра что-то выкрикнула из другой комнаты. Она возмущалась. Я взял с собой документы Сами, не мог оставить их здесь. Потом вернулся с сумками в гостиную.

– Меня остановили солдаты, – сказал я. – Приставили к груди автомат.

– Ты врешь. Почему этого не случилось раньше?

– Может, потому, что оставались мужчины помоложе. Меня они не замечали. Не было на то причин. Мы единственные глупцы, которые не уехали.

– Я не поеду.

– Меня убьют.

– Значит, тому и быть.

– Я попросил у них несколько дней, чтобы позаботиться о тебе. Они согласились всего на несколько дней. Если меня увидят снова и я не вступлю в их ряды, меня убьют. Они сказали в таком случае найти кого-нибудь, чтобы забрали мое

тело.

На этих словах Аффра распахнула глаза, а на лице отразился неподдельный испуг. Представив, что может потерять меня, представив мое мертвое тело, она затрепетала. Встала и на ощупь прошла по коридору. Я шел следом, затаив дыхание. Аффра легла на кровать и закрыла глаза. Я уговаривал ее, но она лежала там, как дохлая кошка, – в своей черной абайе и черном хиджабе, с каменным лицом, к которому я теперь испытывал отвращение.

Я сел на кровать Сами и уставился в окно, глядя на серое небо с металлическим оттенком, на котором не было птиц. Так я просидел весь день и вечер, пока меня не поглотила темнота. Я вспомнил, как отправлялись рабочие пчелы на поиски новых цветов и нектара, а потом возвращались, передавая информацию другим. Пчела трясла тельцем – ее танец в сотах сообщал остальным направление, в котором искать цветы, по отношению к солнцу. Жаль, что никто не мог направить подобным образом меня, подсказать, что делать и куда идти. Я был страшно одинок.

Около полуночи я лег рядом с Афрой. Она не шелохнулась. Под моей подушкой лежало письмо и фотография. Проснувшись среди ночи, я понял, что Аффра повернулась ко мне лицом и шепотом зовет меня.

– Что? – произнес я.

– Слушай.

Из передней части дома донесся звук шагов, мужские го-

лоса, потом громкий гортанный смех.

– Что они делают? – спросила Афра.

Я выбрался из кровати и тихо обошел ее, взял жену за руку, помогая ей подняться, и отвел через черный выход в сад. Афра последовала без вопросов или промедления. Я постукал ногой по земле, ища металлическую крышку, затем отодвинул люк и помог Афре сесть рядом с отверстием, свесив туда ноги. Я забрался первым, спустил ее. Затем задвинул люк над нашими головами.

Мы стояли в воде, полной ящериц и насекомых, которые здесь обосновались. Я вырыл эту землянку в прошлом году. Афра обхватила меня руками и уткнулась лицом в мою шею. Мы сидели в темноте, оба ослепшие, в этой могиле на двоих. В глубокой тишине раздавался лишь звук дыхания. Возможно, Афра была права и нам стоило умереть именно так, чтобы никому не пришлось забирать наши тела. У левого уха шевельнулось какое-то насекомое. Вверху, над нашими головами, все крушилось, ломалось, летало. Должно быть, те мужчины уже вошли в дом. Я почувствовал, как жена задрожала.

– Афра, знаешь что? – сказал я.

– Что?

– Мне нужно пукнуть.

Спустя секунду Афра рассмеялась, повиснув на моей шее. Не могла остановиться. Смех ее был тихим, но тряслось все тело. Я обнял жену крепче, думая, что на свете нет ничего

прекраснее этого смеха. Но я не сразу понял, в какой момент Афра заплакала, пока не почувствовал на шее слезы. Дыхание ее замедлилось, и она уснула, словно в этой черной землянке чувствовала себя в безопасности. Внутренняя темнота Афры столкнулась с внешней.

На какое-то время я тоже ослеп. Затем в сознании расцвели воспоминания, яркие, как сны. Наша жизнь до войны. Афра, одетая в зеленое платье, держит за руку Сами: он только научился ходить и теперь ковыляет рядом с матерью, показывая на самолет, пересекающий ясное голубое небо. Помню, мы куда-то ездили.

Стояло лето, жена шла впереди со своими сестрами. Ола была в желтом платье. Зайна – в розовом. Афра, как всегда, размашисто жестикулировала. Сестры разом сказали ей «нет», отвечая на какой-то вопрос. Рядом со мной шел мужчина, мой дядя. Я видел его трость, слышал, как та постукивает по бетону. Он рассказывал мне о работе: у него было свое кафе в старом районе Дамаска, а теперь он хотел выйти на пенсию, но сын не желал наследовать дело – «ленивый, неблагодарный мальчишка, который женился ради богатства на обезьяне, богатство ушло, а обезьяна осталась обезьяной...». В тот момент Афра посадила Сами себе на бедро, обернулась и улыбнулась мне. Ее глаза поймали луч света, превратившись в воду. Затем все померкло. Где сейчас все эти люди?

Я заморгал в непроницаемой темноте. Афра вздохнула во

сне. Я на секунду задумался: не сломать ли ей шею, избавив тем самым от мучений и подарив желанное спокойствие? В этом саду мы вырыли могилу для Сами. Так Афра была бы к нему ближе. Ей не пришлось бы покидать сына. Закончились бы все самоистязания.

– Нури? – сказала она.

– Ммм?

– Я люблю тебя.

Я не ответил. Слова слились с темнотой, проникая в почву, затопленную водой.

– Нас убьют? – спросила Афра дрожащим голосом.

– Ты напугана.

– Нет. Мы сейчас так близки к смерти.

Совсем рядом раздались шаги, голоса стали громче.

– Говорил же тебе, – произнес мужчина. – Говорил не отпускать его!

Я затаил дыхание и прижал Афру крепче к себе, не давая ей пошевелиться. Подумывал даже закрыть жене рот рукой. Вдруг заговорит или закричит. Теперь решала она: жить нам или умереть. Над головами появилось суетливое движение, приглушенные голоса, затем шаги стали удаляться. Только когда Афра выдохнула, я понял, что ее инстинкт самосохранения все еще жив.

Лишь к утру я решил, что наверху чисто: оттуда не доносилось никаких звуков. В щель металлического люка над головой пробивались лучи, подсвечивая грязные стены. Я

толкнул люк и увидел широкое и неприкосновенное синее небо – цвет мечты. Афра проснулась, но молчала, затерявшись в темном мире.

Когда мы вошли в дом, я пожалел, что и впрямь не ослеп. Нашу гостиную разнесли в пух и прах, стены изрисовали в граффити: «Мы победим или умрем».

– Нури?

Я не ответил.

– Нури... что они сделали?

Я смотрел на Афру, стоявшую среди сломанных вещей, – темную призрачную фигуру, неподвижную и незрячую.

Но я ничего не сказал. Жена шагнула вперед и опустилась на колени, ощупывая пространство ладонями. С пола она подобрала сломанный сувенир: хрустальную птицу с золотой гравировкой на распахнутом крыле – «99 имен Аллаха». Свадебный подарок от ее бабушки.

Афра покрутила его в руках, как делала с гранатом, ощупывая линии и изгибы. Затем тихим голосом, словно девочка из ее прошлого, она принялась перечислять имена, высеченные в памяти:

«Создающий порядок, смиряющий, всезнающий, всевидящий, всеслышащий, дарующий жизнь, забирающий жизнь...»

– Афра! – окликнул я.

Она опустила сувенир на пол и наклонилась вперед, ощупывая другие предметы. На этот раз жена подняла игрушеч-

ную машинку. Я спрятал их в шкаф через несколько недель после смерти Сами. Сердце защемило при виде того, как теперь они разбросаны по полу. Рядом валялась банка с шоколадной пастой, любимое лакомство Сами, – она покатилась прочь от Афры и остановилась возле стула. Наверное, сейчас внутри была плесень, но я держал банку в шкафу с другими вещами, которые напоминали о сыне. Угадав на ощупь машинку, Афра тут же опустила ее на пол и повернулась ко мне, каким-то чудом поймав мой взгляд.

– Я уезжаю, – сказал я, – поедешь ты или нет.

Отойдя от Афры, я принялся искать наши сумки. Обнаружил их нетронутыми в спальне, перекинул через плечи и вернулся в гостиную. Жена замерла посреди комнаты. В открытых ладонях она держала разноцветные детальки лего – остатки дома, который построил Сами. «Нашего нового дома в Англии, – сказал он, согласившись переехать. – Там не будет бомб, и дома не разрушатся, как здесь».

Не знаю, имел ли он в виду дома лего или настоящие, но мне вдруг стало тоскливо от того, что Сами родился в столь хрупком мире. В нем не было ничего прочного, но Сами пытался представить себе место, где бы кругом не рушились здания. Я сохранил дом лего в шкафу точно в таком виде, каким сделал его наш сын. Даже подумывал склеить, чтобы мы смогли сохранить игрушку навсегда.

– Нури, – нарушила тишину Афра, – с меня хватит. Прошу, заberi меня подальше отсюда.

Она стояла там, скользя взглядом по сторонам, будто в самом деле видела.

Глава 3

Просыпаюсь в саду, лежа на спине. Моя одежда промокла от дождя. В этом забетонированном квадрате растет всего одно дерево; его корни, проломившие плитку, впиваются мне в спину. Сжимаю в руке цветы. Кто-то навис надо мной, загораживая солнце.

– Что ты здесь делаешь, старый хрыч? – Сверху вниз с широкой улыбкой на лице на меня смотрит марокканец. Он говорит по-арабски. – Ты что, спал в саду?

Он протягивает мне руку, неожиданно крепкую для такого старикашки, и поднимает меня на ноги.

– Хрыч? – повторяю я, как в тумане.

– Ага, – усмехается он. – Так говорит продавец в магазине. Хрыч – значит старик.

Я следую за ним в теплую гостиную. Марокканец сообщает, что меня искала Афра.

– Она плакала, – говорит он, но мне не верится.

Когда я вижу жену в кухне, она уже одета и напряженно сидит на стуле, совсем как при Люси Фишер. Непохоже, чтобы Афра плакала. После отъезда из Алеппо я не видел ее слез и не слышал, чтобы она хоть раз всхлипнула. Афра крутит в пальцах стеклянный шарик. Пытаюсь забрать его, но она не отдает.

– Значит, ты и сама можешь одеться? – говорю я и немед-

ленно сожалею о своих словах, увидев угрюмое лицо жены.

— Куда ты уходил? — спрашивает она. — Я всю ночь не спала, не зная, где ты.

— Я уснул внизу.

— Хазим сказал, что ты спал в саду!

Я напрягаюсь.

— Он очень добр, — говорит Афра. — Сказал, что найдет тебя, просил не волноваться.

Решаю прогуляться. Это мой первый выход за пределы дома. Здесь все странное, даже магазины, с виду жалкие, но кичливые: «Пицца гоу-гоу», «Чили тук-тук», «Польские смаки», «Павел Индия», «Мошимо». В конце дороги стоит круглосуточный магазинчик, откуда раздается громкая арабская музыка. Я направляюсь к морю. На пляже нет песка, только галька и валуны, но у набережной устроена большая песочница. Мальчик в красных шортах сооружает замок. Сейчас вовсе не жарко, правда здешние жители считают по-другому, иначе бы мать не надела на ребенка короткие штанишки. Он загребает песок совком и аккуратно насыпает в синее ведерко, пока то не наполнится. Потом ровняет сверху с помощью ручки совка.

Мимо несутся дети с мороженым и огромными, размером с голову, леденцами. Мальчик построил из песка целый город — использовал пластиковые крышки от бутылок и фантики, чтобы добавить цвета. Из потерянного носка и палоч-

ки от сахарной ваты он соорудил флаг. По центру он ставит чашку.

Юный архитектор встает и отступает на шаг, любуясь своим творением. Впечатляюще, он даже сделал с помощью чашки дома, окружающие замок, а бутылка из-под воды напоминает стеклянный небоскреб. Мальчик, видимо, почувствовал на себе чужой взгляд. Он поворачивается и пристально смотрит на меня. На его лице невинное, беззаботное выражение, как у детей, не знавших войны. Похоже, он собирается что-то мне сказать, но его зовет девочка. Замаанивает мячом. Он колеблется, бросает последний взгляд на свое чудесное строение, на меня, а потом убегает.

Я сижу некоторое время на набережной возле песочницы и слежу за движением солнца по небосклону. Днем здесь тихо; дети ушли, а над головой собрались тучи. Достая из рюкзака документы по предоставлению убежища.

«Вы имеете право остаться в Великобритании в качестве беженца при условии, что не можете жить в безопасности в любом регионе вашей страны, поскольку опасаетесь гонений».

Небо рвется на части, сверкает молния. Крупные дождевые капли падают на бумаги в моих руках.

«В Великобритании».

«В любом регионе».

«Опасаетесь гонений».

Дождь усиливается. Я убираю документы в рюкзак и иду

вверх по холму в гостевой дом.

Афра сидит в гостиной у двойных дверей. Здесь слоняются и другие постояльцы, телевизор работает на полную громкость. Марокканец удивленно поднимает брови:

– Как дела, старый хрыч?

Теперь он говорит это по-английски, сверкая темными глазами.

– Неплохо, старый хрыч, – говорю я, выдавливая улыбку.

Этого ему достаточно. Марокканец от души смеется и хлопает себя по колену. Я снова сажусь за стол и смотрю на свое отражение в экране компьютера. Прикасаюсь к клавиатуре, но не могу заставить себя проверить почту. То и дело поглядываю на стеклянные двери. Стоит подняться ветру или сверкнуть молнии – и я ожидаю увидеть в саду силуэт Мухаммеда.

Выхожу во двор и ищу свою пчелу. Наконец нахожу: она ползет под деревом по веточкам и опавшим лепесткам. Когда я протягиваю ладонь, насекомое заползает мне на палец и следует до ладони, где поджимает лапки и устраивается, как в гнезде. Я несу ее в дом.

Хозяйка приносит на подносе чай и кенийские сладости, желтые из-за куркумы. Насколько я могу судить, она идеально говорит по-английски. Женщина эта столь миниатюрна, что ей впору быть куклой. На тонких ножках – громоздкие туфли на деревянной платформе. Хозяйка топает по гостиной и раздает сладости и чай. Она чем-то напоминает мне

слоненка.

Марокканец сказал, что по профессии она бухгалтер: подрабатывает в офисе в южной части Лондона, но большую часть времени управляет гостевым домом. Местная администрация выделяет деньги на наше содержание. Хозяйка так сильно драит пол и стены, словно пытается смыть с них грязь от наших путешествий. Однако есть в ней что-то особенное, некая скрытая за фасадом история. В углу гостиной стоит шкаф из красного дерева. Он покрыт лаком и сияет, словно поверхность воды. Внутри полно бокалов. Каждый день хозяйка полирует и без того безупречную посуду. Суется там с тряпкой, похожей на лоскут мужской полосатой рубашки – я даже заметил на нем пуговицу. Правда, зеленая плесень на стенах или слой жира в кухне, с палец толщиной, никуда не исчезают, однако хозяйка, очевидно, гордится тем, что заботится о нас. Женщина помнит наши имена – несомненный подвиг, учитывая, сколько людей бывает здесь. Хозяйка ненадолго задерживается, чтобы поболтать с афганкой, спрашивая, где та заполучила такой прекрасный хиджаб, вышитый вручную золотой нитью.

– Пчела еще жива! – замечает марокканец.

Смотрю на него с улыбкой.

– Она настоящий борец, – говорю я, – хотя прошлой ночью лил дождь. Долго она не протянет, если не умеет летать.

Я несу пчелу обратно, кладу на цветок, а потом мы Афрой идем спать. Помогаю ей раздеться и ложусь рядом.

– Где Мустафа? – спрашивает она. – Нет от него вестей?

– Давно уже нет, – говорю я.

– Ты проверял почту? Может, он пытался связаться с тобой? Ты сообщил, что мы здесь?

Замечаю странный звук, похожий на свист высоко в небе.

– Ты это слышишь? – спрашиваю я.

– Всего лишь дождь за окном, – говорит Аффа.

– Нет же. Свист. Там что-то свистит. Без остановки. Слово начинается песчаная буря.

– Здесь не бывает песчаных бурь, – отвечает Аффа. – Только дождь или его отсутствие.

– Значит, ты не слышишь?

С обеспокоенным видом она кладет голову на ладонь. Хочет что-то сказать, но я перебиваю ее, засмеявшись:

– Сегодня день был холодный, но солнечный. А теперь идет дождь! Английская погода – совсем как спятивший человек! Может, ты выйдешь завтра погулять? Мы побродили бы по набережной.

– Нет, – говорит Аффа. – Не могу. Я никуда не хочу выходить.

– Но теперь ты свободна, почему бы тебе не выйти? Больше не нужно бояться.

Она ничего не отвечает.

– На берегу мальчик построил удивительный замок из песка, целый город с домами и даже с небоскребом!

– Замечательно, – отвечает Аффа.

Были времена, когда жена все хотела знать и выпрашивала, что я вижу. Теперь ничего не хочет.

– Нам нужно связаться с Мустафой, – говорит она.

Ненавижу темноту, ненавижу запах моей жены – это сочетание розовой воды и пота. Аффа пользуется духами, перед тем как лечь спать: достает из кармана стеклянный флакон и наносит несколько капель на запястья и шею. В гостиной до сих пор ведут беседы другие постояльцы. Скрипят половицы – это поднимается марокканец, я узнаю его походку. Он по привычке останавливается. Сперва это кажется случайным, но есть в его движениях особенный ритм. Он проходит мимо нашей комнаты; я слышу, как по паркету катится стеклянный шарик. Мне знаком этот звук. Я подпрыгиваю с кровати и включаю свет. Вижу шарик Мухаммеда, направляющийся к ковру, поднимаю и смотрю стекло на просвет – его рассекает красная жилка.

– Что это? – спрашивает Аффа.

– Просто стеклянный шарик. Ничего. Засыпай.

– Положи его на мою тумбочку, – говорит она.

Делаю, как она просит, и возвращаюсь в постель, на этот раз поворачиваясь к Аффе спиной. Она кладет руку сверху, прижимает ладонь к позвоночнику, словно слушает мое дыхание. Я не закрываю глаз, потому что боюсь, потому что наступила

НОЧЬ

окутала нас с Афрой. Мы были у башни Баб-аль-Фарадж, в Старом городе. Ждали под деревом «тойоту». Рядом лежал труп мужчины. «Тойота» оказалась пикапом с выключенными фарами, металлическими решетками по бокам – в таких машинах обычно перевозят коров или коз. Мертвец лежал на спине, запрокинув руку над головой, – молодой, лет двадцати пяти, в черном свитере и черных джинсах. Афре я о нем не сказал.

Здесь мы встречались с проводником через границу.

Внезапно лицо трупа осветилось. Белое сияние то появлялось, то исчезало. В руке над его головой лежал телефон. У мужчины были карие глаза, густые брови. На левой щеке – старый шрам. На шее сверкала серебряная цепочка с подвеской-именем: Аббас.

– Здесь красиво, – сказала Афра. – Я знаю, где мы.

Когда-то напротив росли виноградники, а по ступенькам можно было подняться к воротам школы.

– Мы рядом с часами, – сказала она, – и еще за углом есть кафе с фруктовым льдом из розовой воды, куда мы водили Сами, помнишь?

Позади домов часы на башне Баб-аль-Фарадж засветились зеленым. Одиннадцать пятьдесят пять. Еще пять минут. Я

беспомощно стоял и смотрел на Афру. Как потеплело от воспоминаний ее лицо! Поплакав и посмеявшись, она будто бы возвращалась к жизни. На мгновение показалась прежняя Афра и вновь скрылась. Стоя так близко к ней, я видел: она хочет ухватиться за иллюзию нашей жизни в Алеппо. Раньше она не потерпела бы такого. Вдруг мне стало страшно за жену. Погас телефон. Снова темнота.

Вдалеке на продолговатом холме виднелась цитадель, напоминая жерло вулкана.

Ветер принес аромат цветов.

– Пахнет розами, – сказал я.

– Это мои духи, – проговорила Афра.

Она порылась в кармане и достала стеклянный флакон, зажав его в ладони. Эти духи я заказал для нее в год нашей свадьбы. Мой друг владел предприятием по дистилляции розового масла, и я мог сам выбрать розы.

Афра шепотом сказала, что хотела бы вернуться весной, когда только начинают распускаться бутоны. Она бы надушилась, надела желтое платье и гуляла по городу. Хорошо бы подняться по холму до базара. Мы побродили бы по многолюдным улочкам старого рынка, переулкам, где продавали специи, мыло, чай, бронзу, золото, серебро, сушеные лимоны, мед, травы, и я бы купил ей шелковый шарф.

К горлу подступила тошнота. Я рассказывал Афре, что базар опустел, многие переулки разрушены бомбами или сгорели, по рядам вместо торговцев и туристов теперь шастали

солдаты, крысы и кошки. Все палатки были покинуты, кроме одной, где старик продавал солдатам кофе. Они заняли цитадель, превратили ее в военную базу и окружили танками.

Базар Аль-Мадина принадлежал к числу старейших рынков во всем мире, являясь ключевой вехой на Шелковом пути, где раньше путешествовали торговцы из Египта, Европы и Китая. Афра говорила об Алеппо как о волшебном сказочном крае. Словно и не было тех лет, что вели к войне, восстаний, песчаных бурь и засухи, а ведь даже тогда, еще до бомб, приходилось трудно.

Снова у мертвеца вспыхнул телефон. Кто-то отчаянно хотел с ним поговорить. На дереве сидел удод, сверкая чернильными глазками. Птица распахнула крылья с черно-белыми полосами. Свет пугал меня. Я опустился на колени и вытащил мобильник из окаменевших пальцев, бросив к себе в рюкзак.

Часы пробили полночь. Издалека донесся тихий рокот мотора. Перепугавшись, Афра выпрямилась. «Тойота» с выключенными фарами завернула за угол, взрыхлив колесами пыль и пепел. Из машины вышел бородатый лысый водитель в черной футболке, армейских брюках и ботинках, с поясной сумкой и пистолетом за ремнем. Он был точной копией борца за режим, даже побрился – уловка на случай, если его поймают боевики «Шабихи» Асада.

Мужчина некоторое время неподвижно изучал меня. Афра пошаркала ногами, но он даже не глянул в ее сторону.

– Зовите меня Али, – наконец сказал он и улыбнулся столь широко, что на лице появились морщины.

Мне вдруг стало неудобно: вспомнился заводной клоун, которого бабушка подарила Сами. Улыбка быстро померкла, взгляд Али заметался по темноте.

– Что случилось? – спросил я.

– Мне сказали, вас будет трое.

Я указал на мужчину, лежавшего на земле.

– Плохи дела.

В голосе Али прозвучала мимолетная грусть, он склонился над телом, потом опустился на колено и, сняв с пальца мертвеца золотое кольцо, надел на свой. Со вздохом посмотрел на башню с часами, потом устремил взгляд в небо. Я тоже глянул туда.

– Ночь сегодня ясная. Путь нам освещают звезды. До восхода солнца четыре часа. Нужно добраться до Арманаза к трем, если хотите до четырех успеть к границе.

– Сколько нам ехать? – спросила Аффа.

Али наконец посмотрел на нее, словно только что заметил.

– Около двух часов, – сказал он, глядя по-прежнему на меня. – Сидеть вы будете не со мной, а сзади.

На задней площадке пикапа стояла корова, пол покрывали лепешки. Я помог Аффе забраться внутрь, водитель велел нам сидеть тихо и не высовываться. Если мы попадемся, снайперы сперва пристрелят корову. Животное понуро уста-

вилось на нас. Зарычал мотор, «тойота» тихонько поехала по пыльным улицам, вздрагивая на щебне.

– Телефон звонит, – сказала Афра.

– О чем ты?

– Я чувствую возле ноги вибрацию, от твоей сумки. Кто нам звонит?

– Это не мой телефон, – сказал я. – Свой я выключил.

– А чей же тогда?

Я достал телефон из рюкзака. Пятьдесят пропущенных вызовов. И снова звонок: Зухет Аббас, жена Аббаса...

– Кто там? – сказала Афра. – Ответь.

– Дай мне твой хиджаб, – попросил я.

Афра сняла с головы хиджаб и передала мне. Я набросил его на себя и ответил на вызов.

– Аббас!

– Нет.

– Аббас, где ты?

– Нет, простите, я не Аббас.

– Где он? Могу я с ним поговорить? Его забрали? Они забрали его?

– Аббаса здесь нет.

– Но я говорила с ним. Нас прервали.

– Когда?

– Недавно. С час назад. Прошу, дайте мне поговорить с ним.

В этот момент пикап остановился, стих мотор. Раздались

шаги. Водитель сорвал с меня хиджаб, отбросил его назад, и моего лба коснулся холодный металл.

– Ты совсем сдурел? – сказал Али. – Сдохнуть решил?

Он сильнее прижал пистолет ко лбу, сверкая глазами. Из телефона раздавался женский голос:

– Аббас, Аббас... – Снова, и снова, и снова.

– Дай-ка сюда! – сказал проводник.

Я отдал ему телефон, и мы снова тронулись в путь.

Мы направлялись в поселок Урум-аль-Кубра, в двадцати километрах к западу от Алеппо, петляя среди руин старого города. Западные районы удерживались правительственными войсками, повстанцы были на востоке. Река текла по нейтральной территории между противостоящими линиями фронта. Если что-либо скидывали в Кувейк с правительственной стороны, в итоге оно попадало к повстанцам. Достигнув окраины города, мы проехали мимо огромного плаката Башара аль-Асада: даже в темноте его голубые глаза светились, как драгоценные камни. Постер был совершенно не тронут.

Мы достигли автомагистрали. По обе стороны раскинулись черные поля с синими в свете луны силуэтами тутовых и оливковых деревьев. Здесь велись бои между повстанцами и сирийскими войсками – среди Мертвых городов, сотен давно заброшенных греко-римских поселений, засорявших пригороды Алеппо. В этой сизой пустоте я старался забыть все, что знал и слышал. Пытался представить, что все так же

не тронута, как глаза Башара аль-Асада на плакате. Но что потеряно – потеряно навсегда. Замки крестоносцев, мечети и церкви, римская мозаика, древние рынки, дома и очаги, сердца, мужья и жены, дочери и сыновья. Сыновья. Я вспомнил глаза Сами в тот момент, когда вспыхнул свет, превращая их в стекло.

Афра молчала. Ее волосы цвета ночного неба были распущены, лицо побледнело. Она щипала себя за руку. Я прикрыл глаза, а когда очнулся, мы прибыли в Урум-аль-Кубру. Перед нами лежал остов взорванного грузовика. Водитель ходил кругами. Сказал, что мы ждем мать с ребенком.

Мы находились в пустынном, безликом месте. Али нервничал.

– Нужно успеть до рассвета, – сказал он. – Не получится до восхода солнца – значит никогда.

Из темноты между зданиями выехал мужчина на велосипеде.

– Говорить буду я, – сказал Али. – Он может оказаться кем угодно. Даже шпионом.

Когда мужчина подъехал ближе, я увидел, что у него серая, как бетон, кожа. Вряд ли он был шпионом, но Али не собирался рисковать.

– Извините, что беспокою. Не найдется ли у вас воды? – спросил мужчина.

– Все в порядке, друг мой, – сказал Али. – Немного есть. Он достал с пассажирского сиденья бутылку и передал

мужчине, который выпил воду так, будто лет сто мучился от жажды.

– Перекусить тоже найдется.

Али достал помидор. Мужчина протянул руку так, будто ему предлагали золото. Замер, рассматривая нас.

– Куда вы направляетесь? – спросил он.

– Собираемся навестить нашу тетку, – сказал Али. – Она очень больна.

Водитель махнул на дорогу, указывая наше направление. Мужчина, ничего не сказав, положил помидор в корзину велосипеда, сел и отъехал от нас, но вместо того, чтобы умчаться прочь, сделал большой круг и вернулся.

– Простите, – сказал он, – совсем забыл кое-что сказать.

Он стер с лица пыль, оставляя на щеке белые полосы.

– Разве был бы я хорошим человеком, если бы принял воду и помидор и не предупредил вас. Я бы ложился спать с мыслями, живы вы или нет. Поедете по дороге, о которой сказали, и наткнетесь на снайпера. Он сидит на баке с водой в пяти километрах отсюда и увидит вас. Советую вам поехать по этой дороге.

Мужчина указал на пыльную дорогу, ведущую к переулку, и объяснил, как вернуться на наш маршрут.

Али передумал ждать мать с ребенком. Мы решили довериться словам мужчины и поехать в объезд, сворачивая направо, на загородную дорогу, которая провела бы нас между городками Зардана и Маарет-Мисрин.

— Где мы? — спросила Афра, пока мы ехали по неровным проселочным дорогам. — Что ты видишь?

— На многие мили кругом растут виноградники и оливковые деревья. Сейчас темно, но очень красиво.

— Как раньше?

— Словно ничего не изменилось.

Жена кивнула, а я вообразил себе, что войны и не было, что мы правда едем повидаться с больной тетушкой, а когда прибудем — дома, улицы и люди будут теми же, что и раньше. Мне этого очень хотелось: жить с Афрой в прежнем мире.

Пикап беззвучно подпрыгивал на загородной дороге, а я силился не уснуть, вдыхая ночной сирийский воздух, любясь неизменными звездами и виноградниками. Носа коснулся аромат ночного жасмина, следом прилетел шлейф роз. Я представил себе целое поле этих цветов, красные всполохи на дремлющих под луной полях. К рассвету приедут рабочие, собирая тугие бутоны в ящики. Вообразил на соседнем поле свою пасеку, ряды медовых сот в ульях, изящные золотистые шестиугольники на рамах. Сверху были крышки, а в боковых отверстиях летали туда-сюда рабочие пчелы, непрерывно гудя и выделяя из желез воск — они пережевывали его и создавали симметричные многогранники пяти миллиметров в диаметре, словно крохотные кристаллы. Королева пчел была бы в своей ячейке вместе со свитой, притягивая рой запахом, как магнит. Жужжание напоминало тихую песню, длившуюся вечность. Пчелы летали вокруг меня, каса-

ьясь лица, путались в волосах, вырывались на свободу и снова улетали.

Я вспомнил Мустафу, когда он приезжал на пасеку из университета в костюме, с термосом кофе и рюкзаком, набитым книгами и бумагами. Он переодевался в защитную форму и присоединялся ко мне, макая палец в мед и пробуя – проверяя его консистенцию, аромат, вкус.

– Нури! – звал он. – Нури! Мне кажется, наши пчелы делают самый лучший в мире мед!

Позже, когда садилось солнце, мы оставляли пчел и ехали домой, пробираясь сквозь плотное городское движение. Сами ждал у окна с виноватым видом, Афра открывала нам дверь.

– Нури. Нури. Нури.

Я открыл глаза:

– Что такое?

Лицо Афры было совсем близко от моего.

– Ты плакал, – сказала она. – Я слышала, как ты плачешь.

Жена обеими ладонями смахнула мои слезы. Посмотрела мне в глаза, будто видела. В тот момент я тоже видел ее истинную – женщину, которую я потерял. Она была рядом, с душой открытой и чистой, словно солнечный свет. Тогда меня не страшило наше путешествие, предстоящая дорога. Но в следующую секунду глаза жены потемнели, словно погасли. Афра отстранилась от меня. Я не мог заставить ее вернуться, не мог вызволить из темноты или не дать ей исчез-

ноть. Стоило отпустить ее и ждать, когда она вернется сама.

Мы обогнули Маарет-Мисрин и вновь въехали на магистраль, миновали горы, затем долину между Харанбушем и Кафр-Наби и в итоге приблизились к Арманазу. Впереди горели прожектора турецкой границы, заливая лучами равнину, словно белое солнце.

Между Арманазом и границей течет река Аси, отделяющая Турцию от Сирии. Я знал, что нам предстоит переправа на другой берег. Водитель остановил пикап в темном месте под деревьями и повел нас по тропинке в лес. Аффа вцепилась в мою руку, иногда спотыкалась и падала. Приходилось поднимать ее, придерживая за талию. Я сам ничего не видел в такой темноте. Среди ветвей и листвы что-то замелькало. Неподалеку я услышал голоса, и мы вышли из леса. На берегу реки стояло тридцать или сорок человек, они напоминали призраков. У кромки воды болтался большой чан – в таких посудинах обычно готовят кускус, – и к нему была привязана длинная веревка, чтобы люди на другой стороне реки могли тянуть его к себе. Какой-то мужчина подвел девочку к чану и помог ей залезть туда, но она рыдала, повиснув у провожающего на шее и не отпуская.

– Давай же садись, – сказал мужчина. – Отправляйся с этими хорошими людьми. Мы увидимся на другой стороне.

– Но почему ты не идешь со мной? – спросила она.

– Обещаю, мы увидимся на той стороне. Прошу, не плачь. Нас услышат.

Девочка не слушала его. Он затолкал ее внутрь и с силой ударил по лицу. От потрясения она отпрянула, прижав ладонь к щеке. На том берегу потянули за веревку, и чан поплыл прочь. Когда она скрылась из виду, мужчина рухнул на землю, будто лишился жизненных сил, и заплакал. Мне стало ясно, что они больше не увидятся. В этот момент я обернулся. Не стоило этого делать, но я отвернулся от толпы людей и посмотрел назад, в темноту. Там лежала страна, которую я покидал. И я увидел среди деревьев поляну и тропинку, по которой пришел сюда.

Глава 4

В гостевом доме новый постоялец. У него острые плечи и сутулая спина, а когда он, сгорбившись, сидит на стуле – кажется, что под футболкой крылья. Человек разговаривает с марокканцем; оба пытаются общаться на языке, который не слишком хорошо знают. Марокканцу по душе этот малый. Его зовут Диоманде, он приехал с Берега Слоновой Кости. Время от времени парень поглядывает в мою сторону, но я и виду не подаю.

Пчела все еще жива. Я нашел ее во дворе на том же цветке, где и оставил. Вновь переманил к себе на ладонь и принес в гостиную. Вот и сейчас пчела ползет по моей руке. Сажу, уставившись на стеклянные двери. Смотрю на отражение Диоманде и рябые тени деревьев позади.

– Я работал в Габоне, – говорит Диоманде. – Мне посоветовали ехать в Ливию, где много возможностей. Друг говорит, что там была война, но сейчас безопасно, и я решил поехать – поискать хорошую работу. Заплатил пятнадцать тысяч франков КФА⁴, чтобы восемь дней плестись по пустыне, но меня поймали и бросили в тюрьму.

Парень говорит, опираясь локтями о колени. При каждом его движении лопатки вздымаются, а я жду, не распахнутся

⁴ Франк КФА – африканский франк.

ли крылья. Он высок и долговяз и сидит так, словно свернулся в коробочку.

– Мы ехали три дня без еды, – говорит он, – было совсем немного хлеба и воды, а нужно делиться. Нас били, били все время. Даже не знаю, кто они такие, но тут им подавай двести тысяч франков КФА за мою свободу. Я позвонил родным, но денег не дождался.

Он меняет позу, обхватывая колени длинными смуглыми пальцами. Я отворачиваюсь от стеклянной двери и внимательно смотрю на парня – как выпирают костяшки на кулаках, как выпучены глаза. На нем ни грамма мяса. Словно птицы его исклевали. Он напоминает труп или разрушенный бомбой дом. Парень переводит взгляд на меня, потом устремляет его в потолок, уставившись на голую лампочку.

– И как же ты выбрался? – спрашивает марокканец, желая услышать продолжение истории.

– Спустя три месяца противоборствующая группировка ворвалась в тюрьму и освободила заложников. Я оказался на свободе. Направился в Триполи, где нашел друга и работу.

– Это же здорово! – восклицает марокканец.

– Но новый начальник мне не платил, а когда я потребовал денег, заявил, что убьет меня. Я хотел вернуться в Габон, но пути назад нет, поэтому я сел на лодку проводника через границу, чтобы пересечь Средиземное море.

Марокканец откидывается в кресле и следит за взглядом паренька, устремленным к лампочке.

– Ты добрался сюда. Но как?

– Долгая история, – говорит Диоманде.

Больше он ничего не добавляет. Выглядит парень усталым. Наверное заметив это, марокканец хлопает его по колену и меняет тему, рассказывая про странные местные обычаи.

– Здесь носят кроссовки с костюмами. Как можно надевать это вместе? На улицах ходят в пижамах! Зачем?

– Это спортивный костюм, – говорит Диоманде, показывая на свой.

В это время суток старик обычно ходит в пижаме, а днем надевает старый серо-голубой костюм и галстук.

Я жду, когда они лягут спать, потом выхожу в сад и кладу пчелу обратно на цветок. Тихо шуршат машины вдалеке, легкий ветерок шевелит листву. Сенсор движения еще не среагировал на меня, темнота успокаивает. Высоко в небе стоит полная луна, и в этот момент я чувствую присутствие за спиной. Повернувшись, вижу на земле Мухаммеда: он играет со стеклянным шариком, перекатывая его по трещинам в бетоне. Рядом ползет к луже червяк. Мальчик поднимает на меня взгляд.

– Дядя Нури, – говорит он, – я выигрываю у червяка! Его зовут Хабиб. Хотите поздороваться с Хабибом?

Он высоко поднимает червяка и показывает мне.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Пришел найти ключ, потому что хочу выбраться наружу.

– Какой ключ? – говорю я.

– Думаю, он на этом дереве. Висит там, но не знаю, какой именно.

Я поворачиваюсь и вижу, что с дерева свисают более сотни золотых ключей. Они покачиваются на ветру, сверкая в свете луны.

– Дядя Нури, вы достанете его для меня? – спрашивает он. – Я не могу дотянуться, а Хабиб уже устал.

Смотрю на Хабиба, свисающего с пальца мальчика.

– Конечно, – говорю я. – Но как мне узнать, какой ключ тебе нужен?

– Просто достаньте все, а потом мы попробуем найти подходящий.

Иду в кухню и нахожу там глубокую миску. Мухаммед терпеливо ждет моего возвращения. Я собираю ключи с дерева – те, что повыше, снимаю с помощью лестницы. Вскоре миска наполняется, и я дважды проверяю, не пропустил ли какой-нибудь ключ. Обернувшись с добычей в руках, я замечаю, что Мухаммеда уже нет. К луже ползет червяк.

Заношу миску внутрь, поднимаюсь наверх и ставлю ее на тумбочку рядом с Афрой, возле стеклянного шарика. Стараюсь не разбудить жену. Опускаюсь на кровать. Афра лежит лицом ко мне, закрыв глаза и положив руки под щеку. Она дышит медленно и размеренно. Отворачиваюсь и устремляю взгляд в темноту, потому что не могу закрыть глаз. Снова вспоминаю время, проведенное

в Стамбуле

я встретил Мухаммеда.

На другой стороне реки Аси находился забор из колючей проволоки с дырой метра два в диаметре, напоминавшей разинутую пасть. Люди перекидывали через него вещи, а сквозь прореху передавали младенцев. Пока еще не рассвело, проводники сказали всем лечь на живот и ползти по пыльной, поросшей папоротником равнине.

Оказавшись на территории Турции, мы прошли еще миль сто через поля пшеницы и ячменя. Стояла тишина. Афра держалась за мою руку и дрожала от пробирающего до костей холода. Через полчаса пути мы заметили вдалеке выбежавшего на дорогу ребенка – темный силуэт на фоне восходящего солнца. Он помахал рукой и побежал в сторону домов.

Мы приблизились к деревне, где стояли небольшие домики с террасами и открытыми окнами, откуда выглядывали люди. Кто-то выходил наружу, народ группами собирался вдоль обочин, глядя на нас во все глаза, будто мы были бродячими циркачами. Увидев длинный стол с пластиковыми стаканчиками и кувшинами с водой, мы остановились и утолили жажду. Местные женщины вынесли нам одеяла, а еще протягивали нам хлеб, кульки с вишней и небольшие пакетики орешков. Затем отступали, глядя нам вслед. Только по-

том я понял, что смотрели они не с удивлением, а со страхом. Я представил себя на месте тех людей: на их глазах сотни беженцев, сломленных войной, шли вперед, к неизвестности.

Через час ветер усилился, мешая идти. Донесся резкий запах нечистот, и мы вышли на открытое пространство. Повсюду стояли палатки, а люди спали на одеялах среди гор мусора.

Я нашел местечко под деревьями. Кругом царила незнакомая мне тишина. В Сирии она таила опасность, способная взорваться в любую секунду снарядом, выстрелами из пулемета или тяжелыми шагами солдат. Где-то далеко, со стороны Сирии, задрожала земля.

С гор подул ветер и принес запах снега. В моей голове возник образ – белое сияние Джебель-эш-Шейха⁵, первый снег, увиденный мною много лет назад. С левой стороны – Сирия, справа – Ливан. Границы, очерченные горными грядами и морем. Мы положили в реку дыню, и та треснула от холода. Мама укусила зеленую обмороженную мякоть. Что же мы делали там, на вершине мира?

Рядом со мной заговорил мужчина. Он спросил:

– Когда ты принадлежишь кому-то, а его уже нет, кто теперь ты?

Человек выглядел понуро – с грязным лицом, растрепанными волосами. Брюки были в пятнах, от него несло мочой.

⁵ *Джебель-эш-Шейх* – горный массив, расположенный на перекрестии границ Ливана, Израиля и Сирии.

В темноте раздались звуки, похожие на крики животного. До меня долетел запах гниения и смерти. Мужчина дал нам бутылку воды и велел посидеть на ней, пока та не согреется. Прошла ночь, над горизонтом поднялось солнце. На земле лежали еда и новое одеяло. Кто-то принес черствый хлеб, бананы и сыр. Аффа поела и снова уснула, положив голову мне на плечо.

– Откуда вы? – спросил мужчина.

– Из Алеппо. А вы?

– Из северной части Сирии.

Откуда именно, мужчина не сказал. Он достал из пачки последнюю сигарету. Курил медленно, то и дело поглядывая на пустынную землю. Похоже, когда-то этот мужчина был сильным, но теперь от его мышечной массы мало что осталось.

– Как тебя зовут?

– Я потерял дочь и жену, – ответил он, бросив окурок на землю.

Голос его звучал ровно и безжизненно. Мужчина словно задумался о чем-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.